

АЗБУКА ВЕРЫ

**Кружной путь, или Блуждания
паломника — Клайв Стейплз Льюис**

Художественная литература 2020

Кружной путь, или Блуждания паломника — Клайв Стейплз Льюис

Оглавление

Книга первая. Пуритания

Глава 1. Правила

Глава 2. Остров

Глава 3. Горы на Востоке

Глава 4. Лия, а не Рахиль

Глава 5. Ихавод[1]

Глава 6. Что ищете живого между мертвыми?[2]

Книга вторая. Соблазны

Глава 1. Сказал безумец[3]

Глава 2. Холм

Глава 3. Немного южнее

Глава 4. Легкий путь

Глава 5. Лия, а не Рахиль

Глава 6. Ихавод

Глава 7. Его здесь нет[5]

Глава 8. Большие надежды

Книга третья. Дух времени

Глава 1. Гнуснополь

Глава 2. Южный ветер

Глава 3. Свобода мысли

Глава 4. Самый главный

Глава 5. Тупик

Глава 6. Сигизмунд

Глава 7. Голые факты

Глава 8. Попугаячья болезнь

Глава 9. Победитель великанов

Книга четвёртая. Снова на дороге

Глава 1. неизлечимые

Глава 2. Копия и подлинник

Глава 3. Esse est percipi[6]

Глава 4. Выход из тупика

Книга пятая. Ущелье

Глава 1. Ущелье

Глава 2. Рассказ Матушки

Глава 3. Добродетель довлеет себе

Глава 4. Мистер Трутни

Глава 5. Застольная беседа

Глава 6. Труд

Глава 7. Ошибка мистера Виртуса

Книга шестая. К северу от ущелья

Глава 1. Первые шаги к Северу

Глава 2. Три Бледных Брата

Глава 3. Отец Угл

Глава 4. Гумани

Глава 5. Пища с Севера

Глава 6. Дальний Север

Глава 7. Как тешат себя мечтами

Книга седьмая. К югу от ущелья

Глава 1. О том, как занемог Виртус

Глава 2. О том, как Джон стал не младшим, а старшим

Глава 3. Снова на дороге

Глава 4. Еще южнее

Глава 5. Чаепитие в саду

Глава 6. Дом мистера Мудра

Глава 7. Ночной путь через Ущелье

Глава 8. По эту сторону, днём

Глава 9. Мистер Мудр и путники

Глава 10. Дети мистера Мудра

Глава 11. Снова мистер Мудр

Книга восьмая. Тупик

Глава 1. Два максималиста

Глава 2. Джон не может вернуться

Глава 3. Джон забывает о себе

Глава 4. Джон обретает голос

Глава 5. Сколько стоят пища и питье

Глава 6. Поймали!

Глава 7. Отшельник

Глава 8. Рассказ отшельника

Глава 9. Остров

Глава 10. Копия и подлинник

Книга девятая. Ущелье

Глава 1. Внутренний свет

Глава 2. Свет молнии

Глава 3. Тьма

Глава 4. Securus te projice[18]

Глава 5. Ущелье

Глава 6. Nella sua voluntade[19]

Книга десятая. Путь паломника

Глава 1. То же самое, но иначе

Глава 2. Составной человек

Глава 3. Лимб

Глава 4. Черная яма

Глава 5. Спесильда

Глава 6. Профанна

Глава 7. Блудильда

Глава 8. Северный дракон

Глава 9. Южный дракон

Книга первая. Пуритания

...души их тщатся вернуть свое в туманном воспоминании, но, словно опьяненные вином, никак не найдут дороги к дому.

Бозций

Чего-то он ищет, и не знает, что это, но само стремление так разжигает его, что никакие улады не утешают, кроме поисков едва различимой цели.

Глава 1. Правила

Мне снился мальчик из страны Пуритании, по имени Джон, и еще мне снилось, что, научившись ходить, он убежал погожим утром из отчего сада. По ту сторону дороги лежал лес, не очень густой, усталый мягким зеленым мхом, и в нем цвели первоцветы. Увидев их Джон подумал, что они удивительно красивы, перебежал дорогу, опустился на четвереньки, чтобы нарвать побольше цветов, но из калитки выскочила мать, тоже пересекла дорогу, шлепнула сына и запретила ему ходить в лес. Джон заплакал, но ни о чем не спросил, потому что еще не умел спрашивать. Потом прошел год; и снова погожим утром Джон вышел в сад и увидел на дереве птичку. Он натянул рогатку, чтобы ее подстрелить, но выбежала няня, и схватила его, и шлепнула, и сказала, что убивать нельзя.

— Почему? — спросил Джон.

— Потому что управитель рассердится, — отвечала няня.

— Кто такой управитель? — спросил Джон.

— Тот, кто управляет здесь, у нас, — сказала няня.

— Почему? — спросил Джон.

— Потому что его послал Хозяин.

— А кто такой Хозяин? — спросил Джон.

— Тот, кому принадлежит вся страна, — сказала няня.

— Почему? — спросил Джон.

Тогда няня пошла и пожаловалась матери, а мать до самого вечера говорила Джону про Хозяина, но Джон ничего не понял. И прошел год; и однажды, непогожим утром, Джону велели одеться во все новое. Одежды были удивительно некрасивы, но это бы ничего, только очень жало под мышками. Родители повели его по дороге, крепко держа за руки (что было и неудобно, и ненужно), и сказали, что идут они к управителю. Жил управитель в большом мрачном доме у самой дороги. Мать и отец зашли к нему первыми, а Джон ждал в передней, на таком высоком стуле, что ноги его болтались в воздухе. Были здесь стулья и пониже, но отец сказал, что садиться на них нельзя, управитель рассердится. Джону становилось страшно, и он сидел, болтая ногами, а куртка жала все больше, пока через несколько часов родители не вышли с таким видом, словно побывали у доктора. Тогда к управителю пошел Джон и увидел

немолодого человека с красным круглым лицом, который был к нему ласков и непрестанно шутил, так что страх исчез и они поговорили про удочки и велосипеды. Но вдруг, на полуслове, управитель поднялся, откашлялся, снял со стены маску с длинной бородой, надел ее и стал очень жутким. «Теперь, — сказал он, — мы с тобой поговорим про Хозяина. Ему принадлежит наша страна и по своей великой, да, именно великой милости он позволяет нам здесь жить». Слова «по великой милости» управитель повторял так часто и так протяжно, что Джон рассмеялся бы, если бы тот не снял с гвоздя большой лист бумаги, исписанный сверху донизу, и не сказал: «Все это Хозяин запретил нам. Прочти-ка!» Джон взял список, но о половине запрещенных действий он никогда не слышал, а другие совершал каждый день и представить себе не мог, как избежать их. Всего же правил было столько, что не упомнишь. «Надеюсь, — спросил управитель, — ты еще не нарушил ни одного?» Сердце у Джона сильно забилося, и он бы спятил от страха, но управитель снял маску и сказал: «А ты солги, солги, всем легче!..» и снова в мгновение ока ее надел. Джон поспешил ответить: «Конечно, нет!» и ему показалось, что глаз в прорези маски подмигивает ему. «Смотри! — сказал управитель. — А то Хозяин бросит тебя навеки в черную яму, где кишат змеи. Кроме того, Он так милостив, так бесконечно милостив, что тебе самому больно Его огорчить». «Конечно, сэр! — вскричал Джон. — Только скажите, пожалуйста...» — «Да?» — откликнулся управитель. «А если я нарушу одно... ну, случайно... Неужели прямо и в яму?» — «Так...» — протянул управитель, и опустил в кресло, и говорил долго, но Джон ничего не понял. Правда, под конец выяснилось, что Хозяин очень добрый и мучит своих подданных за малейшую ошибку. «И не тебе Его судить, — сказал управитель. — Это Его страна, и еще спасибо, что Он не гонит отсюда таких... да, таких, как мы». Тут он снял маску и стал очень милым, и дал Джону пирожное, и вывел к родителям. Перед самым их уходом он наклонился и шепнул: «Я бы на твоём месте не портил себе жизнь», и сунул ему в руку список правил.

Глава 2. Остров

Шли дни и недели, и мне снилось, что Джон все мучался, думая о правилах и о змеиной яме. Сначала он очень старался, но каждый раз, к вечеру, видел, что нарушил больше, чем выполнил, и огорчался, и наутро нарушал уже совсем много, и даже не очень страдал. Но через несколько дней страх возвращался к нему и был еще сильнее, потому что Джон успевал нарушить много правил. Особенно удивлялся он тому, что на оборотной стороне листа были другие правила и некоторые из них противоречили тем, первым. Например, на лицевой стороне Джон читал, что надо все время проверять себя, а на оборотной — что надо поменьше в себе копать. В начале он читал, что если сомневаешься, нарушил ты правило или нет, надо спросить старших; в конце находил пословицу: «Не пойман — не вор».

Еще мне снилось, что однажды утром Джон вышел погулять на дорогу, чтобы хоть ненадолго забыть о списке; но забыть не мог. Однако он шел вперед, и отошел далеко от дома, и попал в незнакомое место. Вдруг он услышал какой-то дивный звук, словно кто-то позвонил в колокольчик или дернул струну; потом раздался голос, такой высокий, чистый и странный, что, казалось, он звучит где-то над звездами. «Иди сюда!» — сказал голос, и Джон увидел стену вдоль дороги, а в ней окошко без стекла, прямоугольную дыру. Заглянув туда, он увидел лес, как бы усталый цветами, и смутно припомнил, что когда-то, где-то хотел нарвать цветов. Пока он пытался поймать это воспоминание, из-за леса повеял ветер, такой благоуханный, что он сразу забыл и отца, и мать, и Хозяина, и список правил. Душа его опустела; потом он понял, что плачет, пытаясь вспомнить, что же было с ним когда-то в лесу. Туман за лесом рассеялся, и Джон увидел в просвете мирное море и остров, усталый мхом. Из-за деревьев глядели феи, мудрые как богини, и невинные как зверьки. Длиннобородые колдуны восседали на мшистых тронах. Джон подумал, что ему не разглядеть все это отсюда, да и вообще, тут что-то иное; но он был слишком молод, и не уловил разницы. Когда же все скрылось от него, он не мог понять,

что же утратил. В лес его не тянуло, он пошел домой, печалась, и радуясь, и повторяя на все лады:

«Теперь я знаю, что мне нужно». Когда он сказал так в первый раз, он не был уверен, что это правда; но, ложась в постель, твердо в это верил.

Глава 3. Горы на Востоке

У Джона был дядя, и жил он на соседней ферме. Однажды, вернувшись из сада, Джон увидел, что в доме переполох. Дядя сидел в кресле, серый, как пепел. Мать плакала. Отец важно молчал. Был здесь и управитель в той самой маске. Джон спросил у матери, что случилось.

— Бедный дядя Джордж получил повестку, — отвечала она.

— Какую? — спросил Джон.

— Его выселяют.

— А разве никто не знал, сколько ему можно тут жить?

— Конечно, никто! Мы думали, что он проживет еще много, много лет. И вдруг, внезапно...

— Вы же знаете, — сказал управитель, — что Хозяин вправе выселить любого из нас, когда захочет. Спасибо, что вообще терпит.

— Да, да! — сказала мать.

— Само собой! — сказал отец.

— Я не жалуюсь! — сказал дядя. — А все ж нелегко...

— Что вы! — воскликнул управитель. — Да вы просто переедете в замок, к самому Хозяину. Там куда лучше, вы же знаете...

Дядя Джордж кивнул и не сказал ничего. Отец посмотрел на часы, потом на управителя.

— Да, — проговорил тот.

И Джона послали наверх и велели надеть тесный костюм, а когда он спустился, ему дали маленькую маску. Родители тоже надели маски; и мне показалось во сне, что они полезли с маской к дяде Джорджу, но он сильно дрожал, и она упала. Пришлось смотреть на него, как он есть, а был он так ужасен, что все смотрели кто куда. Его с трудом подняли и повели на дорогу. Шла она с Запада на Восток, и в одном ее конце светило солнце, но все повернулись к солнцу спиной, и Джон увидел темные горы. Дальше дорогу пересекал ручей, вплоть до него росла трава, а за ним темный, болотистый склон вел к голым холмам, над которыми высились горы. Самая высокая гора была и самой темной. Джон испугался, и ему сказали, что на ней живет Хозяин.

До ручья шли долго, впереди совсем стемнело, дул холодный ветер. Когда они остановились, дядя оглянулся и застонал тоненьким детским голосом. Потом перешел ручей и удалился во мрак по топкому склону.

— Что ж, — сказал управитель, снимая маску. — Все мы туда уйдем в свое время.

— Вот именно, — сказал отец, раскурил трубку и прибавил: — Вы знаете, его свиньи получили на выставке приз.

— Я бы их взял, — сказал управитель. — Продавать не стоит, продешевите.

— И то правда, — сказал отец. Джон шел с матерью сзади.

— Мама! — сказал он.

— Что, дорогой?

— А нас тоже могут выселить без предупреждения?

— Ну, да, конечно... но, ты понимаешь...

— Нет, могут?

— Тебе еще рано об этом думать.

— Почему?

— Ты еще мал.

— Мама!

— Да?

— А мы можем сами расторгнуть договор?

— Как это?

— Он выгоняет нас, когда хочет. А мы не можем уйти, когда хотим?

— Нет, что ты!

— Почему?

— Так уж заведено. Он может, а мы — нет.

— Почему?

— Наверное, потому, что договор составил Он.

— А если мы уедем?

— Он рассердится.

— И загонит в яму?

— Наверное...

— А вот скажи...

— Да, дорогой?

- Дядю Он туда загонит?
- Как ты смеешь так говорить?! Конечно, нет.
- А разве дядя не нарушал правил?
- Дядя? Да он был прекрасный человек!
- Что ж ты мне раньше не сказала? — спросил Джон.

Глава 4. Лия, а не Рахиль

Тогда я повернулся на другой бок, и заснул крепче, и увидел, что Джон уже юноша, а не мальчик. Главной радостью его было ходить к стене и глядеть в окошко, надеясь, что снова покажется остров. Иногда — особенно вначале он и показывался; но это бывало все реже, и Джон часами стоял у окошка, глядя в лес. Ему казалось, что он умрет от тоски; а думал он о том, что нарушил бы ради острова любые правила, попал бы в черную яму, если бы оттуда был виден остров. Однажды ему пришла в голову простая мысль — пройти через лес к морю. Ночью лил дождь, было пасмурно, но Джон, едва позавтракав, кинулся на дорогу. Дул ветер, кричали птицы, громыхали повозки и когда, еще задолго до стены, он услышал дивный звук, он не был уверен, что ему не померещилось. И он не пошел на этот звук, а добрался до окошка и нырнул в лес. Долго шел он между деревьями, глядя туда и сюда, но моря не было, не было и берега, и конца тому лесу. К середине дня Джон очень устал и присел отдохнуть. Теперь он не столько тосковал, сколько злился, повторяя: «А я его найду!», пока слова эти сами собой не сменились другими: «А что-нибудь да найду!» Тогда он подумал, что он, наконец, в лесу, и это очень хорошо. «Ага! — сказал он себе. — Буду радоваться». Он стиснул зубы, нахмурился, весь вспотел, но радость не являлась, да и радоваться, собственно, было нечему. Под ним росла трава, над ним — деревья, а что со всем этим делать, он не знал. Тут он решил воскресить былое чувство — ведь остров вызывал в нем чувство, и ни что иное, — закрыл глаза, сильнее стиснул зубы и попытался представить себе утраченную красоту; но мысли его блуждали, и чувств никаких не было. Когда же он открыл глаза, в густой траве сидела и смеялась темнолицая девушка его лет, совсем голая.

- Меня ты и ждал, — сказала девушка. — Каких тебе еще островов!

И Джон обнял ее и совершил с ней любodeяние.

Глава 5. Ихавод^[1]

Теперь он часто ходил в лес. Он не всегда обнимал ее, хотя нередко этим кончалось; иногда они просто беседовали, и он говорил ей о том, какой он умный и смелый, а она запоминала его слова и повторяла их ему. Иногда они даже ходили искать остров. Тем временем листья опали, небо все чаще было серым, солнце стояло низко, дул сильный ветер. Девушка была очень противна Джону, и он знал, что она это знает, хотя она по-прежнему хвалила его и улыбалась ему. Однажды, оглядевшись, он увидел, что лес очень мал, как бы и не лес, а полоса деревьев между дорогой и давно знакомым лугом.

- Я больше не приду, — сказал Джон. — Я искал не тебя, сама знаешь.
- Да? — сказала она. — Ну, иди. Только заberi их всех.

Она позвала кого-то, и из-за деревьев понабежали темнолицые девочки.

— Это кто такие? — спросил Джон.

— Наши дети, — отвечала она. — Ты что, не знал? Ах, дурак! А теперь, детки, — и она обернулась к стайке девиц, — идите с папой.

Испугавшись свыше меры, Джон перепрыгнул через стену и побежал домой.

Глава 6. Что ищете живого между мертвыми?[\[2\]](#)

И с этой поры до ухода из дома Джон не знал счастья. Он мучался, что нарушил столько правил (пока он ходил в лес, он почти не помнил о Хозяине), и боялся расплаты. Кроме того, он разучился мечтать об острове. К стене ходить он тоже боялся, чтобы не встретить темнолицую девушку, но вскоре обнаружил, что дочери постоянно вертятся вокруг. Садился ли он отдохнуть или выходил на прогулку, рядом с ним, рано или поздно, оказывалась темнолицая тварь. Вечером, когда семья собиралась у камина, они лежали прямо под ногами, но ни мать, ни отец не замечали их и удивлялись, куда же он глядит. Иногда, по утрам, он решался перечитать список, чтобы начать заново, но все шло по-прежнему. Он утешал себя надеждой на то, что завтра будет легче; однако на завтра бывало труднее, а на третий день — еще хуже. Тогда он ложился в постель, где его поджидала темнолицая и, умученный вконец, не мог ей противиться.

Когда он понял, что от темнолицых не спрятаться, он стал ходить к стене, ни на что не надеясь, как ходят к дорогой могиле. Стояла зима, обнажились деревья, ручей — теперь он видел, что это просто канава — был полон мертвых листьев. Стену он сломал, когда прыгал. И все же он простоял там много зимних вечеров, и ему казалось, что хуже быть не может.

Однажды по пути домой он заплакал. Тоска — уже не по острову, а по другой, сладостной тоске — была столь сильна, что сердце у него едва не расколосось, и он услышал короткий дивный звук, словно кто-то дернул струну или тронул колокольчик. Навстречу ему проехала карета. Он обернулся и увидел лицо в окошке, и услышал слабый зов. А далеко, там, куда карета держала путь, сверкнуло море и показался подобный облаку остров. Почти ничего не увидев, Джон очнулся. Той же ночью, когда отец и мать уснули, он вышел черным ходом из дому и пошел на Запад.

Книга вторая. Соблазны

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху.

Исх 20:4.

Глава 1. Сказал безумец[\[3\]](#)

Я лежал в постели, и спал, и глядел, как Джон идет по темной, холодной дороге. Шел он долго, занялось утро, у дороги показался кабачок, и женщина открыла дверь, чтобы вымести мусор. Джон спросил ее, можно ли здесь позавтракать и, пока она стряпала, дремал у очага на неудобном стуле. Когда он проснулся, светило солнце, завтрак стоял на столе, а за столом сидел и ел еще один путник, у которого все три подбородка поросли рыжей щетиной. Насытившись, путник встал спиной к огню, откашлялся и сказал:

— Хорошее утро, молодой человек.

— Прекрасное утро, сэр, — согласился Джон.

— На Запад идете?

— Да... да, на Запад.

— Вижу, вы меня не знаете.

— Я не здешний, сэр.

— Ничего, — сказал путник. — Я — мистер Умм. Надеюсь, вы обо мне слышали. Рад помочь вам, тем более, что еду туда же.

Джон поблагодарил его и, выйдя на улицу, увидел хорошенькую двуколку, в которую был запряжен пони, такой гладкий, что шерстка его сверкала в утреннем воздухе. Джон сел в двуколку, мистер Умм хлестнул толстого пони, и они покатили по дороге, словно не было на свете никаких забот.

— Откуда же вы, молодой человек? — спросил мистер Умм.

— Из Пуритании, сэр, — отвечал Джон.

— Приятно оттуда вырваться, а?

— Как хорошо, что вы так думаете! — обрадовался Джон. — А я уж боялся...

— Надеюсь, узким меня назвать нельзя, — сказал м-р Умм. — Я пойму любого, кто придет ко мне за помощью и просвещением. Но Пуритания... это уж, знаете!.. Наверное, вас учили бояться Хозяина?

— Я и сейчас иногда...

— Не осложняйте себе жизнь, молодой человек. Его нет.

— Нет Хозяина?!

— Не было, нет и не будет.

— Это точно? — переспросил Джон, и в сердце его родилась дивная надежда.

— Куда уж точнее! Вы посмотрите на меня, молодой человек. Как вам кажется, легко меня провести?

— Нет! — быстро ответил Джон. — Но почему же решили, что Он есть?

— Управители выдумали, чтобы держать нас в узде. Дошлый народ, я вам скажу. Знают свой интерес. Чего-чего, а мозгов им не занимать. Не хочешь, а залюбуешься. Да, управители, я вам скажу...

— Значит, сами они в Него не верят?

— Как не верить! Верят. Они чему хочешь поверят. Истинно, дети. Науки не знают, мозгов нет, что хочешь, то им и вкрутишь.

Джон помолчал и начал снова.

— Как же вы узнали, что Его нет?

— Колумб, Галилей, книгопечатание! — закричал м-р Умм так зычно, что пони вздрогнул.

— Простите? — сказал Джон.

— Э? — сказал м-р Умм.

— Я не совсем вас понял.

— Чего тут не понять! У вас, в Пуритании, верят всяким басням. Науки не знают, нет образования. Вот, например, я вас удивлю: Земля круглая, как апельсин! Так-то, молодой человек.

— Отец мне это говорил, — растерянно сказал Джон.

— Нет, нет, нет, не путайте! Вы его неправильно поняли. Мы прекрасно знаем, что в Пуритании Землю считают плоской. Что-что, а тут я не ошибусь. Словом, дело ясно. И потом, раскопки.

— А что это?

— Ну, вам говорили, что дороги проложил Хозяин. А этого быть не может, так как старики помнят другие дороги, похуже. Более того: они шли не туда, куда теперь. Ничего не попишешь!

Джон промолчал.

— Ничего не попишешь, я сказал, — повторил м-р Умм.

— Конечно, конечно! — заторопился Джон и покраснел.

— Наконец, этнографы и фольклористы...

— Простите, я не совсем...

— То-то и оно! Ученый ходит по отсталым деревушкам и собирает басни про Хозяина. Да что там, в одной деревне считают, что у Хозяина есть хобот. Может это быть, я вас спрашиваю?

— Навряд ли...

— Более того: нам известно, почему они так считают. Когда-то из зверинца сбежал слон, а кто-то — видимо, спьяну — увидел его на холме, и вот, извольте.

— А слона поймали?

— Кто его должен ловить?

— Эти, ученые.

— Молодой человек, вы меня не поняли! Тогда еще не было никаких ученых.

— Как же они узнали?

— Да, туманные у вас представления о науке!.. Скажу попроще: узнали они потому, что в

соседней деревне видели примерно тогда же беглую змею. Называется это индуктивным методом. Гипотеза, молодой человек, подобна снежному кому, а говоря попроще — если вы достаточно часто повторяете догадку, она становится научным фактом.

Джон подумал и сказал:

— Кажется, я понял. Почти все истории про Хозяина — выдумки. Значит, выдуманы и остальные.

— Что ж, для новичка неплохо! Когда же вы приобщитесь к науке, домыслы сменятся твердым знанием.

Толстый пони пробежал немало и они увидели развилку.

— Если вам прямо на Запад, — сказал м-р Умм — тут мы расстанемся. А может, поедem вместе? Видите, какой замечательный город!

Джон взглянул туда, куда шла дорога поуже, и увидел на пустыре крытые толем домишки, один страшнее другого.

— Это и есть, — сказал м-р Умм, — знаменитый Шумигам. Хотите — верьте, хотите — нет, но я еще помню, как здесь была жалкая деревушка. Когда я приехал в первый раз, тут жили сорок человек, а теперь — двенадцать миллионов, четыреста тысяч триста шестьдесят один, в том числе немало влиятельных газетчиков и популяризаторов. Скажу не хвастаясь, приложил тут руку и я. Если вы хотите к нам присоединиться...

— Нет, спасибо, — сказал Джон, — я бы еще немножко прошел по большой дороге.

Он вылез из двуколки, и вдруг прибавил:

— Я не уверен, сэр, что понял все ваши доводы. Это точно, что Хозяина нет?

— Точнее некуда, — отвечал м-р Умм. — Будьте спокойны.

Глава 2. Холм

Затем я увидел, что Джон пошел по дороге легко и быстро и, сам того не заметив, очутился на вершине холма. Там он остановился, задохнувшись не от усталости, а от счастья. «Нет Хозяина!» — ликовал он. Изморозь сверкала серебром; небо давно очистилось; позади, на ограде, сидел снегирь; вдалеке пел петух; а Хозяина не было. Джон засмеялся, вспомнив длинный список в темной и невысокой комнате отчего дома. «И ямы нет!..» Он огляделся, и дух у него перехватило от радости: на Востоке, в утреннем свете, поднимались горы, подобные синим, лиловым и пурпурным тучам, на самых вершинах уже играло солнце, и вершины эти можно было принять за высокий замок. Джон понял, что до сих пор не осмеливался смотреть на горы. Теперь он знал, что Хозяина нет, и увидел, что они прекрасны, быть может — прекрасней острова. «Не пойти ли на Восток?» — подумал он, но тут же решил, что если мир так хорош, неважно, куда идти.

И тогда он увидел человека, поднимавшегося по склону холма, а я понял во сне, что зовут незнакомца мистер Виртус^[4] и он чуть постарше Джона.

— Как называются эти места? — спросил Джон.

— Божий Дол, — отвечал м-р Виртус.

И они пошли дальше, на Запад. Когда они прошли немного, м-р Виртус посмотрел на Джона и едва заметно улыбнулся.

— Чему вы смеетесь? — спросил Джон.

— Тому, что вы так счастливы, — ответил Виртус.

— Будешь счастлив, — сказал Джон, — когда всю жизнь боялся Хозяина и узнал, что Его нет.

— Ах, вон что!

— Надеюсь, вы в Него не верите?

— Я ничего не знаю о Нем. Конечно, кое-что слышал, как все мы.

— Неужели вам хотелось бы Его слушаться?

— Я никого не слушаюсь.

— Пришлось бы, у Него ведь черная яма.

— Что мне яма, если его приказы осудит моя совесть!

— Да, вы правы. Нет, просто не верится, что можно чихать на этот список! Смотрите, опять снегирь. Подумать только: захочу — и подстрелю, никто мне не указ!

— Вам хочется его подстрелить?

— Н-нет... — сказал Джон, снова посмотрел на птичку, и повторил: — Нет, совсем не хочется. А все-таки, хотелось бы — мог бы.

— То есть, вы могли бы, если бы выбрали это.

— Какая разница?

— Очень большая.

Глава 3. Немного южнее

Я думал, что Джон спросит еще, но тут они оба увидели женщину. Шла она медленней, чем они, и, когда они ее нагнали, оказалась красивой, разве что слишком смуглой. В отличие от темнокожей девицы она была не развязной, а приветливой, и молодые люди обрадовались такой встрече. Они назвали себя, назвалась и она, сперва — мисс Компромисс, потом и просто Лирией.

— Куда держите путь, мистер Виртус? — спросила она.

— Не все ли равно? — ответил он. — Движение важнее цели.

— Значит, вы просто гуляете?

— Конечно, нет! — и Виртус несколько смешался. — Я совершаю паломничество. Раз уж вы

настаиваете, признаюсь, что цель мне не очень ясна. Но не в этом суть. Размышления идти не помогут. Главное — делать по тридцать миль в день.

— Почему?

— Так надо.

— А, вон что! — вмешался Джон. — Значит, и вы верите в Хозяина.

— Нет. Я не говорю, что это Он так велел.

— Тогда кто же?

— Я сам.

— А зачем?

— Это все умозрения! Что могу, то делаю. Мог бы, делал бы больше. Главное — иметь свои правила и соблюдать их.

— А вы куда идете? — спросила Лирия Джона. И Джон рассказал ей про остров с самого начала.

— Тогда вам надо повидать папу, — сказала Лирия. — Мой отец — сам лорд Блазн. Живет он вон там, через полчаса дойдем.

— Ваш отец был на острове? Он знает путь?

— Он очень часто говорит совсем как вы.

— Идите и вы с нами, Виртус, — сказал Джон. — Вам ведь все равно.

— Нет, — сказал Виртус. — С дороги сходить нельзя.

— Почему? — спросил Джон. — Не понимаю.

— Вот именно, — сказал Виртус.

Они спустились на зеленую лужайку, за которой лежал лес. Мне показалось, что Джон колеблется, но потому ли, что на дороге было слишком жарко, потому ли, что он рассердился на Виртуса, или потому, что туда шла Лирия, свернул к Югу.

Глава 4. Легкий путь

Идти по лужайке было легко, трава ложилась под ногами, грело солнце, где-то печально и нежно звонили колокола.

— Это в городе звонят, — сказала Лирия. Теперь они шли рука об руку, и даже целовались, и тихо говорили о чем-то нежном и печальном. Лесная тень и звон колоколов напоминала Джону об острове и, почему-то, о темнлицей девице.

— Именно этого я и хотел, — сказал он. — Девица груба, остров бесплотен. Вот она, истинная жизнь!

— Это любовь, — вздохнула Лирия. — Вот он, истинный остров!

Потом я увидел во сне город, старинный, в шпилях и башнях. Лежал он в долине, через него медленно текла река, дома были сверху донизу увиты плющом. Джон и Лирия вошли в старинные ворота, пробитые в обветшалой стене, постучались у резной двери, их пустили, и хозяйка повела гостя в полутемную сводчатую комнату с витражом. Им принесли сласти, плоды и вино, а вслед за этим явился сам лорд Блазн, среброкудрый старик в мягких одеждах. Джону показалось, что он похож на управителя в маске, но гораздо лучше его, ничуть не страшный, не говоря уж о том, что маска ему не нужна, у него такое лицо.

Глава 5. Лия, а не Рахиль

Пока все угощались, Джон говорил об острове.

— Здесь ты обретешь его, — сказал лорд Блазн, глядя ему в глаза.

— Как же так, в городе?..

— Он везде и нигде, — промолвил старец. — Надеюсь, даже в Пуритании знают, что замок Хозяина — в нашем сердце.

— Я не замок ищу, — сказал Джон. — А в Хозяина я не верю.

— Что значит «верить»? — спросил старец. — Те, кто говорил тебе о Хозяине, и ошибались, и не ошибались. Красота — это истина. Хозяин, которого они жаждут — здесь, в сердце. Остров, который ты ищешь, ты уже нашел.

Наевшись, старец взял арфу, провел рукой по струнам, и Джону показалось, что он слышит дивные звуки, которые предвещали видение. Тут старец запел — не тем печальным, мягким голосом, каким говорил, а сильно и звонко, и в комнате зашумело море, закричали птицы, подул ветер, загрохотал гром. Джон увидел свой остров, больше того — он ощутил его благоуханье сквозь острый запах волн, словно до песчаного берега оставалось несколько ярдов.

Но только он коснулся ногой песка, песнь оборвалась, видение исчезло, Джон очутился на низком диване, рядом с Лирией.

— Спойте еще раз! — вскричал он. — Прошу вас, спойте!

— Я знаю много других песен, — сказал старец. — Лучше не слушать одну и ту же два раза подряд.

— Я умру, лишь бы ее услышать, — сказал Джон.

— Хорошо, — сказал певец. — Тебе виднее. Он мягко улыбнулся, покачал седыми кудрями, и Джон, сам того не желая, подумал, что после пения речь его немножко глупа. Но волна дивных звуков смыла все мысли. На сей раз Джон наслаждался еще больше и подметил много нового, и решил: «Теперь я не забудусь и выжму из этой песни все». Он уселся поудобней, Лирия взяла его руку, и ему было приятно, что они увидят остров вдвоем. Наконец, остров явился, но Джон едва его заметил, ибо у самой воды стояла златокудрая дева в сверкающем венце. «Ну, вот! — обрадовался Джон. — Совершенно светлая кожа!..», и протянул руку к сияющей золотом деве. Любовь его была так чиста и прекрасна, что он пожалел себя, и даже деву, за то, что они так долго томились в разлуке. Когда он собрался ее обнять, песнь оборвалась.

— Спойте еще, спойте еще! — закричал он.

— Что ж, если хочешь, — сказал старец. — Приятно, когда тебя ценят, — и запел снова.

Теперь Джон обратил внимание на самый напев, и заметил, какие пассажи лучше, какие хуже. Обнаружил он и длинноты. Остров виднелся еле-еле, да он о нем и не думал. Лирия совсем приникла к нему, и когда, взрыдав напоследок, отец ее кончил песню, он увидел, что дочь его и гость целуются. Тогда он встал и сказал:

— Вы нашли свой остров...

И вышел на цыпочках, отирая глаза.

Глава 6. Ихавод

— Никому не понять нашей любви, — вздохнул Джон.

Тут раздались быстрые шаги и, стуча подошвами, вошел молодой человек с фонариком. У него были черные волосы, а рот походил на щель. Увидев их, он громко фыркнул. Они отскочили друг от друга.

— Опять твои штучки? — спросил он.

— Да как ты смеешь! — вскричала Лирия, топая ножкой. — Сколько тебя просить?

Молодой человек повернулся к Джону.

— Вижу, старый дурак вас обработал, — сказал он.

— Не смей так говорить о папе! — воскликнула Лирия, густо краснея и тяжело дыша. — Все кончено! — она посмотрела на Джона. — Нашу мечту растоптали... Нашу тайну опошлили... Мы должны расстаться. Уйду и умру! — и она выбежала из комнаты.

Глава 7. Его здесь нет[5]

— Ничего, не умрет, — сказал молодой человек.

— Много раз пугала. Кто она такая, в сущности? Темнорожая девка.

— Как так! — вскричал Джон. — А ваш отец?

— Они его кормят, темнорылые, а он и не знает. Зовет их музами, душой и тому подобное. Обыкновенный сводник!

— А как же остров? — спросил Джон.

— Утром потолкуем. Я с ними не живу, я живу в Гнуснополе, и завтра туда еду. Возьму-ка я вас и покажу, что такое поэзия. Без дураков. Первый сорт.

— Спасибо вам большое, — сказал Джон. И молодой человек отвел его в другую комнату, и все легли спать.

Глава 8. Большие надежды

Проснувшись, они позавтракали вместе, чтобы скорее уехать. Отец еще спал, а сестра всегда завтракала в постели. Потом, когда они вышли, сын лорда Блазна показал Джону свою машину.

— А? — сказал он. — Вот она, поэзия. Красота! Джон промолчал, ибо машина никак не наминала об острове.

— Да ты пойми! — настаивал сын лорда Блазна, носивший имя Болт. Предки творили кумиров, богов и богинь, но все это были темнокожие девки, только припудренные. Фаллический культ, и больше ничего. А уж в ней похоти нет, верно?

— Еще бы! — сказал Джон, глядя на открытый мотор. — Какие уж тут девушки! Скорее змеиное гнездо или логово ежей.

— То-то! — сказал Болт. — Сила! И заметь (он понизил голос), сколько денег на нее ухлопано.

И они сели в машину, и Болт долго нажимал на какие-то штуки, пока она не сорвалась с места и не ринулась вперед. Джон опомниться не успел, как они пронеслись через дорогу, на Север, и проехав какие-то пустоши, разделенные проволокой, оказались среди стальных домов.

Книга третья. Дух времени

Чем меньше люди знают, тем тверже верят, что их приход и их часовня — истинные вершины, к которым карабкаются в муках цивилизация и философия.

Бернард Шоу

Глава 1. Гнуснополь

И мне приснилось, что Болт привел Джона в большую комнату, вроде ванной, такие гладкие были в ней стены, и столько стекла и металла, и все пили какой-то напиток, похожий на лекарство. Видимо, люди эти были молоды, и девушки походили на мальчиков, а мужчины — кроме тех, конечно, у кого росла борода — на женщин.

— Почему они сердятся? — тихо спросил Джон.

— Они не сердятся, — ответил Болт. — Они спорят об искусстве.

И он поставил Джона посреди комнаты, и сказал:

— Глядите! Вот этого типа обработал мой папаша. Надо вправить ему мозги. Начнем с чего-нибудь такого... ну, этакого...

Присутствующие посовещались и решили, что первой споет Викторiana. Когда она встала, Джон подумал было, что это школьница, но, приглядевшись, понял, что ей под пятьдесят. Она надела маску с красным носом и одним прикрытым глазом, словно подмигивающим раз и навсегда.

— Великолепно! — закричала половина гостей. — Чистая Пуритания!

Но другая половина, в которую входили все бородатые, поджала губы и подняла носы.

Викториана запела, подыгрывая на игрушечной арфе, издававшей чрезвычайно странные звуки, и перед Джоном мелькнул было остров, быстро сменившийся людьми, похожими на его отца, и на лорда Блазна, и на управителя, только все они кривлялись и были в клоунских костюмах. Потом появился цветок в вазоне, и песня оборвалась.

— Превосходно! — сказали гости, носившие имя Снобов.

— Ну, как? — спросил Джона молодой Болт.

— Понимаете... — начал Джон, не зная, что ответить, но Викториана сбросила маску и ударила его по щеке.

— Так ему! — сказали Снобы. — Что-что, а удаль в ней есть! Мы не всегда согласны с тобой, Викки, но в смелости тебе не откажешь.

— Преследуйте меня! — визжала тем временем певица. — Бейте меня, садист! Мещани-и-ин! — и она зарыдала.

— Простите, — начал Джон, — я, собственно...

— А пела я хорошо! — рыдала Викториана. — Всех великих людей преследуют, пока они живы... меня пре-пре-преследуют... значит, я великая!

— Что, нечем крыть? — возликовали Снобы, а Викториана выбежала из комнаты.

— Надо сказать, — промолвил один из них, — песенка ее... тогось...

— Да уж, слушать противно, — поддержал его другой.

— Ей бы и съездить по морде, — предложил третий.

— Избаловали! — пояснил четвертый. — Перехвалили, вот в чем беда.

— То-то и оно! — откликнулся хор.

Глава 2. Южный ветер

— Может, кто другой споет? — сказал Болт. — Я! — закричали человек тридцать, и тот, кто кричал громче всех, вышел на середину комнаты. Он был из бородатых, в красной рубахе, в шортах крокодиловой кожи, и держал большой барабан. Ударив в этот барабан, он стал извиваться, глядя на всех огненным взглядом. На сей раз Джон острова не видел. Ему показалось, что он в зеленой тьме, среди переплетенных корней и мохнатых лиан, шевелящихся, как змей. Тьма сгущалась, дышало жаром, корни сплелись в огромный непотребный комок, и песня оборвалась.

— Да, — сказали все Снобы, как один, — истинно мужское искусство.

Джон огляделся и увидел, что сами Снобы, холодные, как огурцы, спокойно курят и пьют свое лекарство. «Какие, однако, чистые люди», — подумал он и устыдился за себя.

— Ну, как? — спросил бородатый певец.

— Я... я не все понял... — отвечал Джон.

— Ничего, поймешь! — сказал певец и грохнул по барабану. — Крутись, не крутись, а этого ты и хотел.

— Нет, нет! — вскричал Джон. — Вы ошиблись, честное слово. Это выходит, у меня всякий раз, а хочу я другого.

— То есть как?

— Если бы я хотел этого, я бы не горевал, когда так выходит. Ну, скажем, если ты голоден, ты же не огорчишься, когда тебя накормят. И я не пойму...

— Не поймешь? Давай объясню.

— Я думал, вам не нравится лорд Блазн потому, что его песни вызывают этих... темнокожих.

— Так оно и есть.

— Чем же лучше с темнокожих начинать? По лаборатории пронесся тихий свист, и Джон догадался, что ляпнул глупость.

— Ты что? — грозно спросил бородатый. — Значит, я пою про этих девок?

— Мне... мне померещилось... — залепетал Джон.

— Ясно, — сказал певец. — Не отличает искусства от порнографии, — и, подойдя к Джону, он плюнул ему в лицо.

— Так его, Фалли! — воскликнули Снобы. — Поделом!

— Грязная тварь, — сурово определил один из них.

— Что говорить, Пуритания! — вздохнула девица.

— Чего вы хотите? — сказал Болт. — Он доверху набит запретами. Любые его слова — только рационализация подавленных влечений. Спела бы ты, Глагли?

Глава 3. Свобода мысли

Глагли немедленно поднялась и оказалась длинной как телеграфный столб. Выйдя на середину комнаты, она подбоченилась, умудрившись так вывернуть руки, словно в них нет суставов, и пошла боком, завернув носки внутрь. Подергав бедром как будто оно вывихнуто, она хрюкнула и сказала:

— Глобол обол укли огли глобол глугли глу, — после чего издала губами тот неприятный звук, который издают младенцы. Потом она села на место.

— Спасибо большое, — вежливо сказал Джон.

Но Глагли не ответила, ибо говорить не умела, ударившись обо что-то в детстве.

— Ну, она тебе угодила? — спросил Болт.

— Я не все разобрал...

— А почему? — сказала женщина в очках, не то гувернантка, не то сиделка при Глагли. — Потому что вам нужна красота. Пора понять, что гротеск — это пафос современной музыки.

— Выражает первобытное отчаяние, — прибавил кто-то.

— Реальность треснула по всем швам, — пояснил толстый юноша, который напился лекарства и лежал на спине, сладостно улыбаясь.

— Наше искусство, — продолжала сиделка, — должно быть жестоким.

— Мы потеряли идеалы на войне, — сказал молодой Сноб, — в дерьме, и в крови, и в грязи. Поэтому мы жестоки и откровенны.

— Простите, — сказал Джон, — воевали, собственно, ваши отцы, а они живут тихо, мирно.

— Мещанин! — вскричали Снобы и повскакивали с мест.

— Если вы воевали сами, — сказал Джон, отшатываясь от летящей в него реторты, — почему вы одеты, как подростки?

— Мы молоды! — орали все. — Мы — новое искусство, мы — мятеж!

— Нам не до гуманизмов, — прибавил один из бородатых, ловко ударяя Джона под коленку.

— Мы отбросили запреты! — завопила худая старая девица, а шесть других девиц вцепились Джону в лицо. Он кинулся на пол, вскочил, побежал к выходу, за ним летели какие-то колбы, а на улице собаки помчались за ним, люди же кидали в него всякий мусор и орали:

— Мещанин! Лицемер! Сквалыга!

Глава 4. Самый главный

Наконец он выбежал за город и присел отдохнуть, думая о том, не вернуться ли к лорду Блазну. Кругом лежала равнина, на Востоке темнели горы. Солнце спускалось. Джон с трудом поднялся и побрел на Запад. Вскоре солнце скрылось и стал накрапывать дождь.

Примерно через милю он увидел человека, который чинил забор, куря сигару, и спросил у него, как пройти к морю.

— Нзна... — сказал человек, не оборачиваясь.

— А где тут можно переночевать?

— Нзна...

— А вы не дадите мне хлеба?

— Еще чего! — сказал человек. — Это нарушило бы экономический закон. Джон не уходил, и он прибавил:

— Пошел, пошел! Не люблю бездельников.

Джон заковылял дальше, но вскоре услышал, что человек этот (как оказалось, носивший фамилию Маммон) его зовет.

— Что? — крикнул Джон.

— Иди сюда! — отвечал м-р Маммон. Джон так устал и проголодался, что послушно побрел к нему. Мистер Маммон уже не работал, он курил сидя.

— Где штаны порвал? — спросил он Джона.

— Я поспорил со Снобами, в Гнуснополе.

— Какие еще Снобы?

— А вы их не знаете?

— В жизни не слышал.

— А Гнуснополь вы видели?

— Видел? Да он мне принадлежит.

— Как это?

— А на что они живут, по-твоему?

— Я об этом не думал.

— Все как один работают на меня, — сказал Маммон, — Одни пишут, другие получают доход с моей земли. «Снобы»... выдумывают же всякую чушь в свободное время... когда лоботрясов не бьют, — и он зорко взглянул на Джона, и снова принялся чинить забор.

— Чего ждешь? — спросил он. — Пошел, пошел!

Глава 5. Тупик

Потом я опять перевернулся и опять увидел, как Джон бредет в темноте, под дождем, совсем несчастный. Северный ветер иногда разгонял тучи, и выглядывала луна. Стуча зубами, Джон посмотрел вверх и увидел по сторонам острые утесы. Впереди тоже стоял утес, очень большой, с круглой дыркой. Луна светила, утес отбрасывал тень, а рядом лежала еще какая-то тень и, оглянувшись, Джон понял, что прошел в темноте сквозь гору.

Остановиться он не мог, замерз бы, и мне снилось, что он упорно идет вперед, к самой дыре в утесе. Перед ней, у жаровни, сидели люди. Когда он приблизился, они вскочили, преграждая ему путь.

— Прохода нет, — сказал их начальник.

— А где же мне идти? — спросил Джон.

— Смотря куда.

— К морю, чтобы найти Западный остров.

— Тогда идти негде.

— Почему?

— Ты что, не знаешь? Этот край принадлежит Духу Времени.

— Простите, не знал, — сказал Джон. — Я как-нибудь обойду его владенья.

— Вот идиот! — сказал начальник. — Да ты уже в его владениях. Ты их прошел. Это выход, а не вход. Гостей он любит, беглецов — нет. — И он крикнул одному из людей: — Эй, Умм, отведи-ка его к Главному!

Молодой человек надел на Джона наручники, и повел его на цепи вниз, в долину.

Глава 6. Сигизмунд

И я увидел, как они идут по долине, и луна светит им в лицо, и гора стоит перед ними, словно великан.

— Неужели это вы, мистер Умм? — спросил Джон.

— Кто же еще? — откликнулся стражник.

— Вы очень изменились с того раза...

— С какого? Мы не встречались.

— Как, мы же были в кабачке, и вы везли меня в двуколке!

— А, вон что! Это мой отец, Умм-старший. Темный человек, почти как эти, из Пуритании. У нас в семье о нём не упоминают. А я — Сигизмунд Умм. С отцом мы давно в ссоре.

Они прошли еще немного и Сигизмунд заговорил снова:

— Вам же лучше, если я скажу сразу: бежать не пытайтесь, некуда.

— Откуда вы знаете, что острова нет?

— Вы хотите, чтобы он был?

— Да.

— А у вас раньше не бывало, чтобы вы принимали желаемое за действительное, мечту за реальность? Джон подумал и сказал:

— Бывало.

— А ваш остров похож на мечту?

— Вообще-то, похож...

— Видите! Но ответьте мне еще на один вопрос. Бывало ли так, чтобы мысли об острове не заканчивались темнолицыми девушками?

— Нет, не бывало. Но я не о них мечтал!

— О них. Стремилась вы именно к ним, но хотели почувствовать себя хорошим. Отсюда и остров.

— Вы считаете...

— Островом вы прикрывали свою похоть от самого себя.

— Я же огорчился, когда так получалось!

— Да. Вас огорчало, что на поверку вы плохи. Но времени вы не теряли, пользовались случаем.

Гора стала больше, и тень покрыла их. Джон устало сказал:

— В конце концов, не в острове суть. Могу пойти и на Восток, к горам.

— Их нет.

— Откуда вы знаете?

— А вы там были? Вы их видели днем, при солнечном свете?

— Нет.

— Вашим предкам было приятно думать, что когда контракт кончится, они уйдут в горы, в этот замок. Все лучше, чем никуда.

— Конечно.

— Вот они и приняли мечту за действительность.

— Разве только так и бывает? Неужели все, что я вижу, мне просто хочется видеть?

— Почти все, — отвечал Сигизмунд. — Ну, например, вам хочется, чтобы это была гора, и вы так думаете.

— А что же это? — вскричал Джон. И мне приснилось, что Джон, словно ребенок, закрыл лицо руками, чтобы не видеть великана, но м-р Умм младший силой отвел его руки, и ему пришлось увидеть Духа Времени, который сидел в кресле и как-будто спал. Тогда м-р Умм открыл дверцу в скале и швырнул Джона в темницу упрямо напротив Духа, так что тот мог смотреть туда сквозь решетку.

— Скоро он откроет глаза, — сказал м-р Умм и запер двери.

Глава 7. Голые факты

Джон протомился всю ночь, страдая от наручников, и от холода, и от вони, а наутро, когда сквозь решетку проник свет, увидел много узников и узниц. С ним они не говорили, спеша укрыться от света, поближе к стенам. Джон пополз к решетке глотнуть воздуха, но страшно испугался, ибо великан медленно открыл глаза. Еще мне приснилось, что когда великан смотрел на что-нибудь, оно становилось прозрачным. И, обернувшись, Джон увидел не людей, а истинных чудовищ. Перед ним сидела женщина, но видел он череп, мозг, носоглотку, слюну в горле, кровь в жилах, легкие, подобные живым губкам, и печень, и змеиное гнездо кишок. Отвернувшись поскорее, он увидел старика, у которого темнела внутри страшная опухоль. Когда же Джон опустил голову, он увидел свои внутренности. И мне снилось, что так он прожил много дней, пока не упал ничком и не закричал: «Это черная яма! Хозяина нет, а яма есть».

Глава 8. Попугаячья болезнь

Каждый день тюремщик приносил им пищу и говорил, что это такое. Если им давали мясо, он напоминал, что они едят труп; если то была, скажем, печенка, он объяснял ее функции и даже показывал, ибо великан не смыкал глаз, когда они ели. Принося яйца, он не забывал отметить, что это — менструальные выделения птиц, и отпускал шпильки, поглядывая на женщин. Однажды он принес молоко и сказал:

— Чего-чего, а брезгливости в вас мало! Вы только представьте, что я вам дал другие выделения.

Джон пробыл в темнице меньше, чем прочие, и при этих словах что-то сместилось в его душе.

— Ах ты, спасибо! — сказал он. — Теперь я знаю, что вы порете чушь.

— Что такое? — спросил тюремщик.

— Вы делаете вид, что непохожие вещи похожи. Разве молоко — то же самое, что пот или кал?

— Какая же разница, кроме привычки?

— Вы это нарочно или вы кретин? Неужели вы не видите разницы между тем, что природа выбрасывает вон, и тем, что она поставляет для еды?

— Вот что, — усмехнулся тюремщик. — Значит, у природы есть разум и цель? Так сказать, Хозяин в юбке. Конечно, вам легче так думать, — и он направился к выходу, задрав нос.

— Я ничего не думаю, — крикнул Джон ему вдогонку. — Это всякому ясно. Молоко едят телята, кал никто не ест.

— Ну, хватит! — заорал тюремщик, возвращаясь. — За такие слова отведут к Главному! — и он потащил Джона за цепь, а тот все кричал:

— Да посудите вы сами, какая чушь! Тюремщик дал ему в зубы и, воспользовавшись его молчанием, обратился к узникам:

— Как видите, он пытается спорить. Теперь скажите мне, что такое спор?

Узники сбивчиво залопотали.

— Ну, ну!.. — подбодрил их тюремщик. — Пора бы выучить! Вот ты (и он ткнул пальцем в какого-то подростка). — Скажи нам, что такое спор и доводы?

— Намеренная рационализация неосознанных влечений, — отвечал подросток.

— Очень хорошо, только стань прямо и руки заложи за спину. Так. Теперь скажи, как надо отвечать тем, кто верит в Хозяина?

— «Вы это говорите потому, что вас охмурили управители».

— Молодец. Голову повыше! Так. А как отвечать тем, кто не отличает песен м-ра Фалли от песен лорда Блазна?

— Ответа два, — сказал подросток. — Первый: «Вы так говорите потому, что вы из Пуритании».

Второй: «Вы так говорите потому, что вы раб похоти».

— Прекрасно. И еще один вопросик. Что надо ответить, если тебе скажут, что дважды два — четыре?

— «Вы так говорите потому, что вам это вбили в школе».

— Превосходно, — одобрил тюремщик. — Принесу тебе конфетку. Ну, давай! — и он толкнул Джона и открыл решетчатую дверь.

Глава 9. Победитель великанов

Великан сердился и курил, отчего напоминал скорее вулкан, чем гору. Когда тюремщик начал докладывать о преступлении Джона, зацокали копыта. Тюремщик обернулся, обернулся и великан, и, наконец, обернулся Джон. Стражники вели к ним коня, на котором сидел человек в синем плаще с капюшоном.

— Еще одного поймали, повелитель, — сказал главный стражник.

Великан медленно поднял руку и указал на узилище.

— Подожди, — сказал незнакомец, повел руками и оковы его, звеня, упали на камни. Он откинул капюшон, и сверканье стали бросило отсвет на лицо великана. Всадник был очень высок, в доспехах, с мечом в руке.

— Кто ты такой? — спросил великан.

— Имя мое Разум, — ответил всадник.

— Выправьте ему поскорее бумаги, — тихо сказал великан своим стражникам, — пускай едет!

— Погоди, — сказал рыцарь Разум. — Сперва я загадаю тебе три загадки. Не ответишь — проиграл.

— Какая же ставка? — спросил великан.

— Твоя жизнь, — отвечал рыцарь. Несколько минут в горах царило молчание.

— Что ж, — сказал наконец великан. — Чему быть, того не миновать. Спрашивай.

— Какого цвета дерево во тьме, рыба в море, кишки в утробе? — спросил рыцарь.

— Не знаю, — отвечал великан.

— Хорошо, — сказал рыцарь. — Вот тебе вторая загадка: один человек шел домой, а за ним шел враг, который хотел захватить дом. Перед домом текла река, слишком быстрая, чтобы ее переплыть, и слишком глубокая, чтобы ее перейти вброд. Враг обогнал человека; а по ту сторону моста человек увидел свою жену. Мост был узок, пройти по нему мог лишь один. И жена крикнула:

«Скажи, мне разрушить мост, чтобы враг не перешел, или сохранить, чтобы перешел ты?» Как должен он ответить?

— Что-то сложно для меня, — сказал великан.

— Так, — сказал рыцарь. — Тогда ответь мне, как отличить копию от подлинника?

Великан мычал и кряхтел, но ответить не смог, и рыцарь пришпорил коня, и конь взлетел по мшистому колену, и меч вонзился в огромное сердце. Раздался грохот. Дух Времени стал тем, чем и казался сначала — огромной горой.

Книга четвёртая. Снова на дороге

Сомневается ли кто-нибудь, что, если мы удалим из сознания человеческого пустые мнения, обольстительные надежды, недолжные ценности, мечтания и тому подобное, многим останутся лишь меланхолия, недовольство и неприязнь к самому себе?

Фрэнсис Бэкон

Глава 1. Неизлечимые

Стража разбежалась. Рыцарь спешился, обтер свой меч о густой мох и ударил изо всей силы по решетке.

— Выходите, — сказал он.

Никто не шевелился, узники переговаривались:

— Принимаем желаемое за действительное... Нет уж, нас не проведешь!

Примерный подросток подошел к выходу и сказал:

— Именно, не проведешь! Что, съели?

И показал им язык.

— Какая прилипчивая болезнь, — сказал рыцарь Разум.

— Можно и мне с тобой? — спросил Джон.

— Иди, пока достанет сил, — отвечал рыцарь.

Глава 2. Копия и подлинник

Мне снилось, что Джон идет у стремени по скалистой долине, которую миновал когда-то ночью. Дыру в скале не охраняли, было тихо, лишь цокот копыт раздавался в камнях, а за скалою лежал зеленый склон.

Трава едва пробивалась, но Джон увидел крокус, и впервые за много дней сердце его пронзила сладостная скорбь. Отерев слезы, он спросил:

— Скажи мне, есть мой остров или он мне мерещится?

— Как же я скажу, — отвечал рыцарь, — если ты сам не знаешь?

— Но ты можешь знать!

— Я могу знать только то, что знаешь ты. Я могу перенести твою мысль из тьмы во свет. Ты же спрашиваешь о том, чего нет и во тьме твоего сознания.

— А если это мираж, плох он или нет?

— Я не сужу о том, что хорошо, что плохо.

— Нет, пойми, — сказал Джон. — Приводит это к темнолицым или с них начинается? Меня хотят убедить, что я просто приукрашиваю похоть.

— А что ты думаешь?

— Многое тут похоже, — сказал Джон. — И остров, и похоть приятны. И остров, и похоть пробуждают томление. Остров приводит к похоти. Да, похожего много.

— Конечно, — сказал рыцарь. — Но помнишь ты мою третью загадку?

— Я не понял ее, — признался Джон.

— Сейчас поймешь. Твоя тяга к острову похожа на тягу к темнолицым девицам. Стражники выводят отсюда, что одна из них — копия другой. Выводят они, к тому же, что обе они — копия твоей любви к матери, а та, в свою очередь, — копия похоти, и так далее, по кругу.

— Какой же на это ответ?

— Можно ответить так: что же тут копия, что — подлинник?

— Я об этом не думал.

— Ты еще слишком молод, чтобы много думать, — сказал рыцарь. — Но ты можешь и должен увидеть, что если две вещи похожи, надо спросить, одна ли копия второй, вторая ли — первой или обе они — копии третьей.

— Какая же третья?

— Многие полагают, что всякая тяга — копия нашей любви к Хозяину.

— Полагали, но теперь подумали и отвергли. Наука доказала...

— Наука не могла ничего доказать, ибо никак не связана с тем, что лежит на Запад и на Восток от этой страны, за ее границей. Тебе скажут, конечно, что если две вещи похожи, хорошая — копия, плохая — подлинник. Но это чистые домыслы. Ученые делают вид, что к их учениям привели исследования; на самом же деле они сперва приняли свои учения, потом подкрепили их нужными фактами.

— Были же у них какие-то основания все это принять!

— Не было, ибо они уже не слушали здравых советчиц.

— Кого же это?

— Моих младших сестер, Философию и Теологию.

— Сестер! А кто ваш отец?

— Ты узнаешь его раньше, чем хотел бы. Спускались сумерки, и путники наши, завидев небольшую ферму, зашли туда и попросились на ночлег.

Глава 3. Esse est percipi[6]

Наутро они отправились дальше, и я увидел во сне, как они движутся меж холмов, по извилистой долине. Джон шел у стремени рыцаря. Оковы упали с него, когда умер Дух, но наручники еще держались, и полцепи болталось на каждой руке. Было тепло, на кустах набухли почки.

— Рыцарь, — сказал Джон, — я думал о твоих словах и, кажется, понял. Остров очень похож на место, где я нашёл темнолицукудевушку, и все же это лишь его тень. Одного я не пойму.

— Чего же? — спросил Разум.

— Никак не могу забыть этих прозрачных людей. Если мы такие на самом деле, все наши мечты — мерзость.

Быть может, хорошее — не всегда копия, плохое — не всегда подлинник. Но если речь идет о человеке, что хорошего может он породить? Скорее уж наши благие мечты — словно кожа, сквозь которую глядел великан.

— Так, — сказал Разум. — А теперь ответь мне на два вопроса. Во-первых, откуда ты взял, что остров — твоя мечта?

— Не станешь же ты доказывать, что он на самом деле есть!

— Прибавь: или что его на самом деле нет.

— Надо же выбрать то или это!

— Ничуть. Пока у тебя нет свидетельств, даже и нельзя. Неужели тебе не вытерпеть сомнения?

— Кажется, я не пробовал...

— Учись, иначе со мной долго не пробудешь. Это совсем не трудно. Правда, в Гнуснополе это запрещено, они должны поставлять по мнению в неделю, иначе Маммон не будет платить. Но здесь думай, сколько хочешь, только не решай, пока не додумал.

— А если я до смерти хочу знать, и свидетельств нет?

— Тогда умирай, ничего не поделаешь! Они помолчали, потом рыцарь сказал:

— И второй вопрос. Почему ты считаешь, что там, в темнице, ты видел то, что «есть на самом деле»?

— А как же? Ведь только кожа... ну, и мускулы скрывают эту пакость.

— Хорошо, тогда я тебя спрошу: какого цвета вещи во тьме?

— Наверное, никакого.

— А какой формы? Знаешь ли ты о них хоть что-то, чего не дали тебе чувства?

— Наверное, нет...

— Как же ты не поймешь, что великан тебя надул?

— Почему?

— Он показал, какими были бы внутренности, если бы ты их видел. Другими словами, он показал то, чего нет; то, что было бы, если бы мир был устроен иначе. На самом деле наших внутренностей не видно. Они — не цветные объемные предметы, они — ощущения. «На самом деле» сейчас — приятная сытость, тепло, да многое, только не эти трубки и губки!

— Не могу забыть эту опухоль.

— То, что ты видел — великаны фокусы. На самом деле боль есть или ее нет.

— Разве лучше, если больно?

— Это зависит от человека.

— Кажется, начинаю понимать. И все же, неужели нет никакой правды в том, что мне показали?

— Почему же, такие зрелища полезны для врачей. И потом, — Разум улыбнулся, — невредно иногда вспомнить о своей немощи. Ты из рода, которому нечем особенно гордиться.

Джон посмотрел на рыцаря, и ему стало страшно — лишь на минуту; он увидел постоянный двор.

— Смотри-ка! — сказал он. — Не зайти ли?

Глава 4. Выход из тупика

Под вечер, когда они снова вышли в путь, Джон спросил рыцаря о второй загадке.

— У нее две разгадки, — отвечал тот. — Первая: мост — это рассуждение. Великан разрешает рассуждать себе, запрещает — другим.

— Как это?

— Ты же слышал. Если спорят с ними, они скажут, что ты прикрываешь доводами свои влечения, и не станут отвечать. Но если кто готов слушать их, они спорят и доказывают, сколько им угодно.

— Понимаю. Как же им ответить?

— Спроси их, можно ли верить доводам. Если нет, ученье их никуда не годится, ибо они создали его, рассуждая. Если да, пусть послушают и нас, и возразят по существу.

— Да, это я понял, — сказал Джон. — А вторая разгадка?

— Мост — учение о том, что мы принимаем желаемое за действительное. Им они тоже хотят и пользоваться, и не пользоваться.

— Как так «не пользоваться»?

— Разве они не твердят, что Хозяин — всего лишь наша мечта?

— Ну, это уж правда!

— Теперь подумай. Как по-твоему, и Сигизмунд, и Снобы, и даже лорд Блазн хотят, чтобы над ними был Хозяин?

Джон остановился и подумал. Сперва он пожал плечами, потом схватился за бока и хохотал до упаду. Когда он устал и замолчал, он представил себе, какой был бы вид у Глагли, Фалли и Болта, если бы пронесся слух, что Хозяин существует и едет к ним; и расхохотался так, что оковы упали с его рук. Рыцарь молча смотрел на него.

— Дослушай, — сказал он наконец. — Не так уж это смешно.

Джон отер слезы и стал слушать.

— Теперь ты понял, когда им выгодно, а когда невыгодно это учение?

— Не совсем...

— Разве ты не видишь, что будет, если ты примешь их правила?

— Нет! — сказал Джон и ему стало страшно.

— Да ведь они хотят, — сказал Разум, — чтобы никто не верил в Хозяина. Это и есть их мечта.

— Не приму я их правил! — вскричал Джон.

— Лучше воспользуйся тем, чему у них научился, — сказал рыцарь. Учение о мечте и действительности не так уж глупо.

— Что же в нем хорошего?

— Пойми, оно может свидетельствовать лишь о том, что Хозяин есть, особенно в твоём случае.

— Почему в моем?

— Потому что ты боишься Хозяина больше всего на свете. Я не пытаюсь доказать, что любая теория верна, если неприятна — но если уж какая-нибудь верна поэтому, вера в Хозяина будет первой!

Когда рыцарь это говорил, они достигли вершины, и, хотя холм был невысок, Джон остановился. Оглянувшись, он увидел зеленую долину и холмы, а за ними — огромную гору, сверкавшую в лучах заката.

— Не знаю, куда ты ведешь меня, — сказал он, — но дальше, ты уж меня прости, пойду сам.

— Как хочешь, — отвечал рыцарь. — Только советую тебе свернуть теперь налево.

— Куда же я попаду? — спросил Джон.

— Обратно на дорогу, — сказал Разум.

— Мне и на тропке хорошо, — сказал Джон. — Благослови меня, рыцарь.

— Я не благословляю и не проклинаю, — отвечал тот. Они попрощались и рыцарь скрылся из виду, а Джон побежал, боясь погони, и бежал, пока не заметил, что одолел еще один холм, по самой вершине которого шла тропа налево и направо. Джон постоял и свернул направо, к

заходящему солнцу.

Книга пятая. Ущелье

*Но ни вплавь, ни впешь
Никто не вымерял дивного пути
К сходу гипербореев.*

Пиндар^[7]

Глава 1. Ущелье

Дорога пошла вверх, и Джон скоро оказался на пологом склоне. Через милю-другую он увидел силуэт путника на фоне заката. Путник стоял тихо, потом шагнул влево, потом вправо, потом обернулся, побежал к Джону, и прежде, чем тот его узнал, они обнялись.

— Что тебя задержало? — воскликнул Джон. — Я думал, ты на много меня обгонишь, ты шагал так быстро.

— Значит, — сказал Виртус, — твой путь был легче моего. Разве ты не шел через горы?

— Нет, — сказал Джон.

— Главная дорога вела вверх, — сказал Виртус, — и часто я едва двигался. Бывало, делал миль по десять в день. Но это не важно, зато я научился лазать по горам и порастряс жир. Задержался я, собственно, здесь, который день стою.

Они поднялись вместе на гребень холма, и Джон отскочил с криком: внизу была пропасть. Снова подойдя к ней с большой опаской, он взглянул и увидел, что дорога внезапно обрывается, и глубокое ущелье миль в семь шириной идет налево, к Югу, и направо, к Северу. Солнце светило им в лицо, тот край терялся во мраке, лишь смутно виднелись большие зеленые деревья.

— Спуститься по утесам можно, — сказал Виртус, — но не до самого дна.

— Я боюсь высоты, — сказал Джон. Виртус указал на узкую зеленую полосу далеко под ними.

— Не долезу, — упорствовал Джон.

— Туда долезешь, это что! Главное — что там дальше? Можно передохнуть на этом уступе и подумать. Правда, если дальше пути нет, я не уверен, что мы влезем обратно.

— Зачем же тогда спускаться?

— Мое дело — следовать правилу.

— Какому?

— Если у тебя есть один шанс из ста, используй его, — отвечал Виртус. Если нет ни одного, не рискуй.

— Я такого правила не слышал и не читал.

— Что с того? Правила одинаковы для всех.

— Если я его не признаю, я не обязан ему следовать!

— Кажется, я тебя понял, — сказал Виртус. — Конечно, если ты совсем не умеешь лазать по скалам, у тебя нет ни одного шанса.

И тут послышался третий голос.

— Шанса нет ни у кого из вас, если я не помогу вам. Молодые люди обернулись и увидели старушку, мирно сидевшую на краю пропасти.

— А, это вы, Матушка! — обрадовался Виртус и шепнул Джону: — Она тут все время ходит. Одни в деревне говорят, что она прозорлива, другие — что она не в своем уме.

— Я бы ей не доверился, — тихо ответил Джон. — На ведьму похожа... — и обратился к старушке: — Как же вы можете помочь нам? Скорее мы бы вас перенесли.

— Могу, могу, — заверила Матушка. — Хозяин даровал мне много силы.

— Ах, вы верите в Хозяина!.. — протянул Джон.

— Мне ли не верить, милый, когда я Его невестка?

— Бедно Он вас одевает, однако...

— Ничего, на мой век хватит.

— Давай попробуем, — шептал Виртус. — Какой-никакой, а шанс.

Но Джон нахмурился и снова спросил старушку:

— А вам не кажется, что ваш свекор немножко странный?

— Почему? — удивилась она.

— Зачем он подвел дорогу к пропасти? Неужели Он хочет, чтобы мы сломали себе шею?

— Ну что ты, это не Он подвел! — воскликнула старушка. — Дорога была хорошая, ровная, она потом треснула.

— Здесь было землетрясение? — спросил Виртус. Матушка отвечала:

— Сегодня спускаться нельзя, расскажу-ка я, что тут случилось. Присядьте ко мне поближе. Мудрости в вас мало, и не вам стесняться старушечьих сказок.

Глава 2. Рассказ Матушки

Они уселись, и Матушка начала:

— Надо вам знать, что когда-то здесь не было арендаторов, и Хозяин владел всей страной один. Жили тут звери, а Хозяин со Своими детьми за ними смотрел. Каждое утро дети Его спускались с гор, пасли овец, доили коров. Пастись было легко, скот и все звери были послушны, и луга никто не огораживал, ибо волки не задирали овец. И вот однажды Хозяин шел домой

ведь и Он трудился вместе со Своими детьми — и огляделся, и подумал, что поля и стада слишком хороши, чтобы иметь их одному. Тогда Он решил сдавать участки, и первыми Его арендаторами были молодые супруги. Ферма их стояла вот тут, на этом самом месте. Условия аренды были тогда другие, землю Он сдал навечно; однако сами они могли уйти к Нему, в замок, когда хотят. Хозяин хотел, чтобы дети Его подружились с другим родом существ, и дети Его этого хотели. А здесь, надо вам сказать, росло много плодовых деревьев, чтобы Он с детьми мог освежиться после трудов. Хозяин знал, что плоды эти еще не годятся арендаторам, их могут есть только жители гор. Скотина и звери не трогали их, животное не станет есть то, что ему вредно. Когда же здесь поселились люди, Хозяин испугался за них и сказал им, чтобы они не ели плодов. Деревья Он вырвать не хотел, земля стала бы неприютной. И Он ушел домой, а люди соблюдали запрет, пока жена не свела знакомства с одним созданием, которое родилось в горах, но поссорилось с Отцом и отделилось, так что у него была своя земля, рядом. Но оно хотело захватить и эту землю, и это ему чуть было не удалось.

— Я не встречал его арендаторов, — сказал Джон.

— Как же, встречал, — сказала Матушка, — только не узнал. Снобы арендуют у Маммона, Маммон — у великана, а уж тот — у этого самого создания.

— Вот бы Снобы удивились! — сказал Джон. — Они ведь думают, что у них хозяина нет.

— Так уж дело ведется, — сказала Матушка. — Малые люди не знают большого начальства. Да и оно не хочет, чтобы его знали. Однако рассказ мой не о том. Значит, злое создание познакомилось с женой арендатора, а потом сами знаете, как в семье бывает — уговорила мужа сорвать плод. Только он потянулся к ветке, земля разверзлась вот так, от Севера до Юга. Люди живут здесь, но пропасть стоит, как стояла. Одни называют ее Ущельем, другие помнят, что на старых картах она звалась «Адамов Грех».

Глава 3. Добродетель довлеет себе

— Тогда Хозяин рассердился? — печально спросил Джон. — Тогда Он и завел правила и яму?

— Не так все просто, — ответила Матушка. — Много случилось после того, как фермер сорвал плод. И он, и жена его пристрастились к плодам, им все было мало, они и сами сажали такие деревья, и прививали их ко всем другим, так что теперь нет ни одного чистого плода, корня или растения. Никто из вас не ел ничего, в чем нет хотя бы капельки яда.

— При чем тут правила? — спросил Джон.

— Ну как же! — сказала Матушка. — Когда вся еда отравлена хотя бы немного, нужно знать, что есть и как, иначе заболеешь. Только помните, одно отравлено больше, другое — много меньше.

— А мы тем временем никуда не идем, — сказал Виртус.

— Утром перенесу вас, если захотите, — сказала Матушка. — Вы уж слушайте меня, тут очень опасно.

— Если тут так опасно... — начал Джон, но Виртус перебил:

— Нет Матушка, я никого не слушаюсь. Спасибо за доброе намерение.

Джон закивал и тихо шепнул ему:

— Знаешь, не будем с ней связываться. Пойдем на Север и на Юг, поищем дороги. Виртус поднялся.

— Лучше мы поищем, где можно перелезть, — сказал он. — До сих пор я как-то шел, что ж меня нести!

— Попробуйте, — кротко сказала Матушка. — Спуститься-то вы спуститесь, а вот подняться... Ну, там мы снова встретимся!

Стемнело. Молодые люди попрощались со старушкой и решили сперва пойти на Север, ибо там дорога была чуть дальше от пропасти. Сияли звезды, становилось все холоднее.

Глава 4. Мистер Трутни

Примерно через милю Джон заметил огонек немного дальше от обрыва, и мне приснилось, как друзья вошли в калитку и постучались в дверь.

— Кто тут живет? — спросил Виртус, когда слуга открыл им.

— Мистер Трутни, — отвечал слуга. — Если вы не воры и не злодеи, он будет рад принять вас.

Слуга привел их в комнату, где при несильном, но ясном свете лампы сидел у камина пожилой человек. У ног его лежала собака, на коленях книга, на одном столике — головоломка, на другом — шахматы. Завидев гостей, он встал неспешно и достойно.

— Рад вас видеть, — сказал он. — Обогрейтесь у очага. Эй, Труд, накрой на троих! Я не предложу вам богатых яств, мы сами делаем вино из первоцвета — быть может, оно не угодит вам, но меня кормит мой сад. Редиской я могу вас угостить, но неплохой, да, неплохой!.. Вижу, вы подметили мою слабость. Грешен, садом и огородом я горжусь. Стыдно ли это? Все мы — дети, и я назову мудрым того, кто доволен своей игрушкой. Умеренность и довольство, друзья мои, — лучшие из сокровищ. Осторожней, собака может укусить! Пират, кыш! Ах, Пират, ты и не знаешь, что обречен!

— Он болен? — спросил Джон.

— Слабееет, слабееет, — отвечал м-р Трутни. — Было бы неразумно оставлять его на мучения. Что поделаешь, *omnes eodem cogimur*.^[8] Побегал на солнышке, половил блох, надо и честь знать. Жизнь следует принимать такой, как она есть.

— Вам будет скучно без него.

— Что ж, умение жить — великое искусство — велит нам усмирять свои страсти. Ни к одному существу нельзя слишком сильно привязываться. Пока оно есть, его любишь, это обогащает душу, а нет его — ничего не поделаешь. Страдание, знаете ли, ничего больше и нет. А сложишь — и забудешь. Где же этот Труд? Что нам, до утра его ждать?

— Иду, сэр, — откликнулся Труд из кухни.

— Заснул он там, что ли? — не успокоился м-р Трутни.

— Продолжим, однако, нашу беседу. Добрая беседа, на мой взгляд, — одно из высших наслаждений. Однако беседа — не лекция. Доктринерство убивает живую мысль. Я, знаете ли, не признаю систем. Слежу за ходом мысли, и все. Случай — лучший вожатый. Разве не он

привел вас сюда?

— Не совсем, — сказал Виртус, давно пытавшийся вставить слово. — Мы ищем, как перейти Ущелье.

— Надеюсь, — сказал м-р Трутни, — вы не просите меня пойти с вами?

— Мы об этом и не думали, — сказал Джон.

— Что ж, идите, идите, друзья мои! — и м-р Трутни мелодично рассмеялся. — Ах, к чему это все! Я часто размышляю о суете ума, которая влечет нас в гору лишь для того, чтобы сойти вниз, или за моря, чтобы отведать плохого пива. *Coelum non animam mutamus.* [9] Нет, нет, я не против непосредства, я терпим ко всем человеческим слабостям. Но, как и везде, секрет тут в том, чтобы вовремя остановиться. Попутешествовал, и будет. Но Ущелье... Прогуляйтесь лучше по утесам, виды те же, опасности — никакой.

— Мы не видов ищем, — сказал Джон. — Я, например, ищу дивный остров.

— Несомненно, — откликнулся м-р Трутни, — речь идет о каком-то эстетическом переживании. Что ж, молодые люди — это молодые люди! Кого не томили мечты, кто не гнался за тенью? *Et in Arcadia ego!* [10] Все мы были когда-то глупы, и это хорошо. Но воображение, как и аппетит, надо обуздывать — не ради какой-нибудь трансцендентной этики, а ради собственного блага. Поднести чашу к устам, ощутить дивный запах и не возжаждать — да, это большое искусство! В отличие от скота и от зверя человек способен остановиться там, где лежит граница между наслаждением и его недолжными плодами. Я не согласен с теми, кто осуждает римлян, принимавших на пиру рвотное. Того, кто умеет поесть и не объесться, я называю поистине цивилизованным человеком.

— А вы не знаете, как перейти через Ущелье? — спросил Виртус.

— Не знаю, — сказал м-р Трутни. — Никогда там не был. Человеку интересен лишь человек, пустые умозрения мне чужды. Ну, скажем, есть там дорога — на что она мне? Смешно подумать, что на той стороне найдешь что-нибудь новое! *Endem est omnia semper.* [11] Природа сделала для нас, что могла, и тот, кто не найдет удовольствия дома, не найдет его на чужбине. Ах ты, что за тварь! Ты подашь ужин или ты ждешь, пока я тебе кости переломаяю?

— Иду, сэр! — крикнул Труд.

— Может быть, по ту сторону ущелья все иначе, — сказал Джон, пользуясь короткой паузой.

— Навряд ли, — сказал м-р Трутни. — Одежда и манеры могут меняться, природа человеческая неизменна. Поверьте, там те же занятные каналы, которых мы видим здесь.

— А вот Разум, — сказал Джон, — считает...

— Ах, Разум! — воскликнул м-р Трутни. — Этот психопат, который ездит повсюду в доспехах? Надеюсь, вы не подумали, что я с ним в дружбе? У разумности, которую я ставлю так высоко, нет худшего врага, чем Разум! Бедность языка, знаете ли...

— А в чем разница? — спросил Виртус.

— Разумность легка, Разум тяжек. Разумность знает, где остановиться, а ваш Разум нудно и

долго сплетает доводы. У разумности — большая и веселая семья, Разум — холостяк, если не девственник. Будь моя воля, я бы его засадил в желтый дом, пусть там рассуждает. Он фанатик, я вам скажу, не знает меры, золотой середины, которую так ценит великий Стагирит. Auream quiquis...^[12]

— Простите, — сказал Виртус, — мне странно это слышать. Я тоже взращен на Аристотеле, но, по-видимому, у нас были разные тексты. В том, который читал я, учение о мере значит совсем иное. Стагирит подчеркивает, что добро меры не имеет, нельзя зайти далеко по верному пути. Суть в другом: мы должны вести линию из середины основания, но чем дальше вершина треугольника, тем лучше. И потому...

— О, боги! — прервал его м-р Трутни. — Помилуйте нас, молодой человек! Мы не на лекции. Согласен, согласен, вы учение меня! Философия — любовница, а не гувернантка. Педантизм мешает наслаждаться не меньше, чем...

— Что же до рассуждений, — продолжал Виртус, не знавший светских правил, — Аристотель придерживается другого мнения. Он считает, что самые бесполезные из них — самые достойные.

— Вижу, вы большой зубрила, молодой человек, — криво усмехнулся м-р Трутни. — Могли бы получить высший балл. Но здесь, вы меня простите, это все не к месту. Джентельмен знает древних не так, как ученый сухарь. Мы не запоминаем систем. Что такое система? Какая система лишена припева «Que sais je?»^[13] Философия украшает, если хотите — услаждает жизнь, но мы посещаем Академию как зрители, не как участники. Труд, чтоб тебя!

— Ужин подан, сэр. — сказал Труд, появляясь в дверях.

И мне приснилось, что все пошли в столовую.

Глава 5. Застольная беседа

На столе стояли графин с вином и блюдо устриц. Как и предупредил м-р Трутни, вино было не очень хорошее, а рюмочки так малы, что Виртус выпил все сразу. Джон старался пить помедленнее, и потому, что боялся рассердить м-ра Трутни, и потому, что у него сводило скулы. Но старался он зря, ибо к супу подали херес.

— Daribus onerabat mensas ineptis,^[14] — сказал м-р Трутни. — Надеюсь, этот непрехотливый напиток не претит здоровому вкусу.

— Вы сами делаете херес? — удивился Джон.

— Я имел в виду вино из первоцвета, — сказал м-р Трутни. — А это мне соседи присылают. Кто прислал херес, Труд?

— Отец Плюш, сэр, — ответил Труд.

— Палтус! — вскричал Джон. — Неужели вы ловите сами...

— Нет, — сказал м-р Трутни. — Морскую рыбу мне присылают друзья, живущие у моря.

Больше Джон не спрашивал, и, когда подали несколько редисок, рад был услышать: «Смирная еда, яйцо или редис...» Я знал во сне, откуда что взялось. Баранью ногу прислал

м-р Маммон, закуски и пряности — Снобы, шампанское и мороженое — лорд Блазн. Много м-р Трутни нашел в своем погребе, ибо прежние обитатели дома были щедры, а еда на Севере хранится долго. Хлеб, яблоки и соль оставил Эпикур, построивший этот дом. Легкое вино оставил Гораций, кларет и почти всю посуду — Монтень. А портвейн, поистине несравненный, принадлежал Рабле, которому его подарила Матушка, когда они еще ладили. После ужина м-р Трутни встал и возблагодарил Хозяина по латыни.

— Как? — удивился Джон. — Вы в Него верите?

— Всею свое место, — отвечал м-р Трутни. — Не мне отвергать столь прекрасную традицию. — Тут он побагровел и повторил, глядя на Джона: — Да, свое место, свое место!

— Вон оно что!.. — сказал Джон, и они долго молчали.

— Кроме того, — будто начал м-р Трутни, помолчав минут десять, — ценю хорошие манеры. Дорогой мой друг, мистер Виртус, ваш бокал пуст. В нем нет ничего. *Cras ingens interabimus...* [15]

Снова все замолчали, и Джон подумал, не заснул ли м-р Трутни, но тот не спал, ибо сказал с большим пылом: «*cras ingens ту-ру-рум, ту-ру-ру-рум...*», улыбнулся гостям и закрыл глаза. Тогда вошел Труд, очень худой и оборванный в утреннем свете, и унес его в постель. Вернувшись, он проводил в постель и гостей, а, придя в столовую еще раз, слил остатки вина, выпил, постоял, моргая красными глазами, зевнул и принялся накрывать стол к завтраку.

Глава 6. Труд

Мне снилось, что Джон проснулся от холода. В доме было тихо, и встать он не решался, а попытался уснуть, навалив на себя все, что увидел. Однако он не согрелся и подумал: «Дай-ка я лучше пройду». Камин внизу еще не топился. Отыскав черный ход, Джон вышел в серый утренний садик или, вернее, дворик. Его окружали стены, деревьев в нем не было, и почти сразу под тонким слоем земли лежала скала. Неподалеку от дома стоял на четвереньках Труд и пытался удержать на месте кучку песка. Вокруг нее темнел голый камень.

— Доброе утро, — сказал Джон. — Что вы делаете?

— Грядку, сэр, — ответил Труд.

— Ваш хозяин — искусный садовод, насколько я понял.

— Он так говорит, сэр.

— А сам он здесь работает?

— Нет, сэр.

— Какая плохая земля!

— Меня кормит, сэр.

— А что тут растет, кроме редиски?

— Ничего, сэр.

Джон заглянул через стену и отскочил — там было ущелье. Даже этим холодным утром было видно, что по ту сторону теплее и зеленее, чем здесь.

— Не прислоняйтесь к ограде, сэр, — сказал Труд.

Оползни бывают.

— Неужели?

— Да, сэр. Я ее сколько раз чинил. А то бы дом сполз вон куда.

— Значит, ущелье становится шире?

— Здесь, у нас, становится. Вот при мистере Эпикуре...

— А вы и при других тут служили?

— Да, сэр, при всех. Как же им без меня? Раньше меня звали по имени Раб, а теперь по фамилии.

— Расскажите мне о своих прежних хозяевах.

— Мистер Эпикур был первый. Болел, бедняга, все боялся черной ямы! Хороший был человек. Тихий такой, уважительный. Очень я его жалел, когда он сполз...

— Как? — вскричал Джон. — Они гибли при этих обвалах?

— Почти все, сэр.

Тут из окна раздался рев:

— Эй, Труд, сукин сын! Где горячая вода?

— Иду, сэр, — отвечал Труд и вскочил с четверенек, успев, однако, еще раз подгрести со всех сторон свою кучку пыли.

— Скоро уйду от него, — сказал он Джону. — На Север.

— На Север?

— Да, сэр. Я думал, и вы с мистером Виртусом туда идете.

— Труд! — ревел м-р Трутни.

— Иду, сэр, — откликнулся Труд, подвязывая штаны бечевкой. — Так что, мистер Джон, разрешите мне пойти с вами.

— ТРУ-У-У-Д! — надрывался м-р Трутни.

— Иду, сэр. Значит, я сейчас ему и скажу.

— Да, мы пройдем немного дальше на Север, — сказал Джон. — Идите с нами, если Виртус не против.

— Спасибо, сэр, — сказал Труд и побежал в дом.

Глава 7. Ошибка мистера Виртуса

За завтраком м-р Трутни был не в духе.

— Мда, слуги у нас... — говорил он. — Надеюсь, Виртус, вы займетесь кухней, если я его рассчитаю? Пока я отыщу другого, мы проживем, как на пикнике!

Гости сказали, что уходят сразу после завтрака.

— Мда... — еще протяжной сказал м-р Трутни. — Значит, бросаете меня? Обрекаете на одиночество и низменные заботы? Что ж, нынешних людей я знаю... Так отвечают они на гостеприимство.

— Простите, — сказал Виртус. — Я охотно послужу вам, но я не думал, что вам так трудно стряпать самому. Когда вы рассказывали о достойной жизни, вы не упоминали о слугах.

— Знаете ли, — отвечал м-р Трутни, — когда описываешь паровоз, не объясняешь всех законов механики. Некоторые вещи подразумеваются.

— Например, богатство, — сказал Виртус.

— Благополучие, мой друг, благополучие, — сказал м-р Трутни.

— И здоровье? — спросил Виртус.

— И умеренное здоровье.

— Значит, вы учите людей быть счастливыми, когда все у них хорошо. Не все могут воспользоваться вашим советом. А теперь, если Труд покажет, где что, я помою посуду.

— Не беспокойтесь, сэр, — сухо сказал м-р Трутни, — я не нуждаюсь в вашей помощи и ваших наставлениях. Поживете, узнаете, что застолье — не университетская кафедра. Простите, я немного устал от ваших рассуждений. Беседа должна быть легкой, как мотылек. Не в обиду будь сказано, вы не умеете вовремя остановиться.

— Дело ваше, — сказал Виртус. — Но как же справитесь один?

— Закрою дом, — сказал м-р Трутни, — и предамся атараксии в отеле, пока не изобретут хороших роботов. Да, надо было слушать моих друзей из Шумигама! Они говорят, скоро все будут делать машины. А один ученый обещал, что выведет особых людей, которые просто не смогут поступить со мной так, как этот Труд.

Все четверо вышли, и м-р Трутни удивился, что его бывший слуга идет с его бывшими гостями. Но, передернув плечами, он воскликнул:

— А, все суэта! У меня девиз такой: делай, что хочешь. Сколько голов, столько умов. Я могу вытерпеть все, кроме нетерпимости.

И скрылся из вида.

Книга шестая. К северу от ущелья

Я не стану восхищаться преизбытком, одной добродетели, пока не увижу рядом с нею

преизбытка другой, противоположной. Человек велик не тогда, когда стоит на краю, но тогда, когда касается обеих бездн и всего, что лежит между ними.

Паскаль

Высокомерие — одна из простейших защитных реакций.

Ричардо

Глава 1. Первые шаги к Северу

— По дороге идти незачем, — сказал Виртус. — Надо исследовать вон те скалы.

— Простите, сэр, — сказал Труд. — Я знаю этот край, заходил туда миль на тридцать. Пока что можно идти по дороге.

— Откуда вы знаете? — спросил Виртус.

— Ах, сэр, — отвечал Труд, — я часто пытался перейти Ущелье, особенно в молодые годы.

— Конечно, пойдем по дороге, — сказал Джон.

— А мне представляется, — возразил Виртус, — что перейти можно именно там, на крайнем Севере. В конце концов, переплывем пролив на лодке.

Они пошли по совсем уж безотрадным тропам, через камни и пустоши. Вскоре им стало трудно идти и трудно дышать, и они поняли, что путь их медленно поднимается вверх. Здесь почти ничего не росло — кустик, пучок чахлах трав, а так все мох да камень, и ступали они по камням. Серое небо нависло над ними, птиц не было, а холод стоял такой, что они не могли остановиться, сразу замерзали.

Виртус шел ровным шагом, Труд — тоже, но на почтительном расстоянии, а Джон натер ногу и хронал. Долго думал он, под каким предлогом остановиться и, наконец, сказал просто:

— Друзья мои, идти я больше не могу.

— Ты должен, — сказал Виртус.

— Мы вам поможем, сэр, — сказал Труд. — Не привыкли вы, силы нету.

И они подхватили его под руки, и вели много часов, и к вечеру слышали крики чаек, и Виртус воскликнул:

— Мы у берега!

— Еще далеко, сэр, — сказал Труд. — Чайки залетают от моря миль на тридцать, когда плохая погода.

И они еще долго шли, и серое небо стало черным, и они увидели хижину, и постучались в двери.

Глава 2. Три Бледных Брата

Войдя в дом, они увидели трех молодых людей, очень худых и бледных, которые сидели у

печки. Потолок был низкий. У одной стены стояла скамья, застланная мешковиной.

— Мы не богаты, — сказал один из бледных людей, — но я управитель, и долг велит мне разделить с вами трапезу.

Звали его Угл.

— Убеждения не позволяют мне повторить слова моего друга, — сказал другой. — Я выше заблуждений, называемых гостеприимством и жалостью.

Его звали Классикус.

— Надеюсь, — сказал третий, — вы бродите по пустынным местам не потому, что заражены романтикой.

Он назывался Гумани.

Джон слишком устал, чтобы ответить, Труд не посмел бы, но Виртус сказал Углу:

— Вы очень добры.

— Я ничуть не добр, — сказал Угл. — Я делаю то, что должен делать. Моя этическая система зиждется на догме, а не на чувстве.

— Прекрасно вас понимаю, — сказал Виртус.

— Неужели вы из наших? — воскликнул Угл. Неужели вы схоласт и богослов?

— Простите, — сказал Виртус, — в таких делах я не разбираюсь, но знаю, что правилу надо следовать, ибо это — правило, а не потому, что мне так угодно.

— Да, вы не из наших, — сказал Угл, — и вы, конечно, погибнете. Языческие добродетели — лишь блестящие пороки. Приступим к трапезе.

И мне приснилось, что бледные люди вынули три банки мясных консервов и шесть галет. Угл поделился с гостями своей порцией. Каждому досталось очень мало, но все же Джон и Труд что-то съели, ибо Виртус и Угл наперебой уступали им свою еду.

— Пища наша проста, — сказал Классикус, — и придется не по вкусу тем, кто изощрил свою чувственность в южных краях. Но оцените совершенство формы. Банки — безупречный куб, галеты — квадрат.

— Надеюсь, — сказал Гумани, — вы заметили, что мы не употребляем старых, романтических приправ.

— Заметили, — сказал Джон.

— Все лучше редиски, — сказал Труд.

— Вы здесь живете, господа? — спросил Виртус.

— Да, — отвечал Гумани. — Мы основали общину. Народу у нас мало, пищи тоже, но когда мы возделаем эту землю, всего будет достаточно, конечно, для умеренных людей.

— Это прекрасно! — сказал Виртус. — Каковы же ваши принципы?

— Вера, гуманизм, классицизм, — сказали хором бледные люди.

— Вера! Значит вы — управители?

— Ни в коей мере! — вскричали Гумани и Классикус.

— Но вы верите в Хозяина?

— Меня эта проблема не занимает, — сказал Классикус.

Я же, — сказал Гумани, — знаю точно, что Хозяин просто миф.

— А я, — сказал Угл, — знаю точно, что Хозяин — истинный факт.

— Как странно! — сказал Виртус. — Не пойму, что же вас объединило.

— Ненависть, — сказал Гумани. — Да будет вам известно, что мы — братья, и отец наш — мистер Умм.

— Я его знаю, — сказал Джон.

— Он был женат дважды, — продолжал Гумани. — Первую его жену звали Мерзилия, вторую — Хладилия. От первого брака родился Сигизмунд, наш сводный брат.

— Я знаю и его, — сказал Джон.

— Мы же, — сказал Гумани, — родились от второго.

— Так мы в родстве! — вскричал Виртус. — Вы, наверное, знаете, что у Хладилии был сын от первого брака. Это я и есть. Мы — сводные братья. Как ни жаль, отца своего я не помню и даже слышал, что его не было.

— Ни слова больше! — сказал Угл. — Вряд ли вы полагаете, что этот предмет нам приятен. К тому же, моя должность велит мне отречься даже от законных родственников.

— Кого же вы все ненавидите? — спросил Джон.

— Учились мы, — сказал Гумани, — у нашего сводного брата, в Гнуснопольском университете, и знаем, что всякий, связавшийся со старым Блазном, навсегда остается рабом его темнокожей дочери.

— А сами вы бывали у лорда Блазна? — спросил Джон.

— Конечно, нет. Мы научились ненавидеть его, наблюдая за тем, как повлияли его песни на других. Ненависть к нему — первое, что нас объединило. Затем мы обнаружили, что, живя в Гнуснополе, неминуемо попадешь в темницу.

— Я и это испытал, — сказал Джон.

— Таким образом, нас объединяет ненависть к Великану, Гнуснополю и Блазну.

— Особенно к Блазну, — уточнил Классикус.

— Я бы сказал иначе, — заметил Угл. — Ненависть к полумерам. Мы ненавидим сентиментальное мнение, что есть хоть что-то хорошее, что-то достойное, хотя бы сносное, по эту сторону Ущелья.

— Вот почему, — сказал Классикус, — мы с Углом и враги, и единомышленники. Я не разделяю его идей о той стороне Ущелья. Но мы согласны в том, что здесь ничего хорошего нет, и не позволим морочить нам голову чувствительной, благодушной чепухой.

— Меня же, — сказал Гумани, — объединяет с Углом иное. Он направляет в единое русло всю эту мистическую чушь — всякие мечтания, пылания, томления и отводит им место на той стороне, очищая от них эту. Тем самым, мы можем создать здесь цивилизацию, основанную на принципах м-ра Трутни и даже на принципах Великана, но без покровов иллюзии. Только так мы будем людьми, а не животными, как хотел бы Великан, и не ангелами-недоносками, как хотел бы Блазн.

— Мистер Джон уснул, — сказал Труд и не ошибся.

— Простите, — сказал Виртус, — мы сегодня долго шли.

И я увидел, как все шестеро легли на мешковину. Было намного холоднее, чем у м-ра Трутни, но никто не мыслил здесь об удобстве, лежали все рядом, и Джон спал лучше, чем в прошлую ночь.

Глава 3. Отец Угл

Когда они проснулись, у Джона так болели ноги, что дальше он идти не мог. Труд предложил, что они с Виртусом пойдут дальше, посмотрят, а к вечеру вернутся. Джону было совестно обременять таких бедных людей, но Угл велел ему остаться, объяснив при этом, что гостеприимство — не заслуга, а жалость к несчастным — просто грех, если они основаны на чувстве, но он, как управитель, не отпускает его по обязанности. И я увидел во сне, что Труд и Виртус идут на Север, а Джон остается с бледными братьями.

Днем он побеседовал с Углом.

— Значит, — сказал Джон, — вы верите, что через Ущелье перейти можно?

— Я это знаю, — отвечал Угл. — Если вы разрешите мне отвести вас к некой Матушке, она перенесет вас в мгновение ока.

— Понимаете, — признался Джон, — мне, собственно, нужен не тот край Ущелья, а дивный остров.

— Забудьте о нем поскорее! Это все шутики старого Блазна. Забудьте, иначе я не смогу помочь вам.

— Чем вы мне поможете, если нужен мне только остров?

— Если вы не хотите перебраться через Ущелье, не о чем и говорить. Оставайтесь со своим островом, но знайте, что он — одна из здешних мерзостей. Если вы грешник, то, ради всего святого, будьте и циником.

— Откуда вы знаете, что он мерзок? Если бы не он, я бы не зашел в такую даль.

- Это безразлично. По сю сторону Ущелья ничего доброго нет.
- Матушка говорила не так. Она сказала, что одни плоды намного лучше, чем другие.
- Ах, вы ее видели? Тогда я не удивляюсь, что у вас в голове такой сумбур. Говорить с ней можно только через переводчика. Вы неверно истолковали ее слова.
- Но и Разум сказал, что остров — не обязательно мираж. Простите, может быть, вы с ним в ссоре, как м-р Трутни?
- Я глубоко чту рыцаря, но как могли понять его вы, новичок? Чтобы с ним общаться, вы должны усвоить от старших догмы, в которые они облекли его слова.
- Вы когда-нибудь видели мой остров? — спросил Джон.
- Упаси Хозяин!
- А лорда Блазна слышали?
- Конечно, нет! За кого вы меня принимаете?
- Тогда хотя бы одно я знаю лучше вас. Я испытал то, что вы зовете чувствительной чепухой. Вам незачем говорить мне, что она опасна и даже чревата злом. Я ощущал и опасность, и зло много чаще, чем вы. Зато я знаю, что ищу не их. Я знаю это, и еще сотни вещей, которых вы и не нюхали. Простите, если я груб, но вам ли давать мне советы? Скопцу ли учить того, кто жаждет целомудрия? Слепцу ли водить того, кто хочет уйти от похоти очей? Однако, я рассердился, а вы поделились со мной галетой. Простите меня.
- Должность моя, — сказал Угл, — велит мне сносить обиды.

Глава 4. Гумани

Под вечер третий из братьев повел Джона в сад, где со временем должны были вырасти плоды. Так как вокруг никого не было, сад этот не огородили, но пределы его отметили камнями и ракушками, и хорошо сделали, ибо иначе он ничем не отличался бы от пустоши. Несколько ровных тропинок тоже можно было узнать по такой каемке.

— Как видите, — сказал Гумани, — мы не признаем устарелого, живописного садоводства. Здесь нет ни клумб, ни пруда, ни извилистых тропок, ни раскидистых деревьев. Нет здесь и грубых, вызывающих к чувственности съедобных произрастаний, даже бесформенного картофеля и растрепанной капусты.

— Да, чего нет, того нет, — согласился Джон.

— Здесь, собственно, нет ничего. Но мы начинаем, мы — первые.

— А вы пытались вскопать землю? — спросил Джон.

— Ну что вы! — воскликнул Гумани. — Это сплошная скала, земли — на дюйм, не больше, зачем ее трогать. Пускай уж остается легкий покров мечты, как-никак мы — люди.

Глава 5. Пища с Севера

Поздно вечером в хижину вошел Виртус и сразу кинулся к огню. От усталости он долго не мог заговорить; наконец, сказал так:

— Уходите отсюда, и поскорее.

— Где Труд? — спросил Джон.

— Остался у них.

— Почему же нам надо уходить? — спросил Гумани.

— Сейчас объясню. Кстати, на Севере перехода через Ущелье нет.

— Значит, мы в тупике, — сказал Джон. — Зачем мы ушли с дороги?

— Зато сейчас мы хоть знаем, — сказал Виртус. — Подождите, я поем и тогда все объясню. Господа, я могу отблагодарить вас за гостеприимство! — и он извлек из карманов куски пирога, бутылки крепкого пива, и даже флягу с ромом. Воцарилось молчание, а когда все насытились, вскипятили воду, чтобы сделать грог, Виртус начал свой рассказ.

Глава 6. Дальний Север

— Дальше миль на пятнадцать все так же, как здесь, камни, мох и чайки. Горы, когда к ним подходишь, страшны, но дорога ведет к проходу, и нам не пришлось карабкаться вверх. За проходом — каменистая долина, где мы увидели первых обитателей. По краям ее, в пещерах, живут карлики. Они очень злобны и непрестанно ссорятся, но признают своим повелителем некоего Люта. Когда они узнали, что мы идем дальше, то есть к нему, они меня охотно пропустили, но дали мне вожатого, а Труд, по своей воле, остался у них. Он был все такой же вежливый со мной, но они ему очень понравились. Итак, мой карлик, по имени Сварл, повел меня дальше на Север. Понимаете, карлики эти — не люди, а настоящие карлики, тролли. Они говорят, и ходят на двух ногах, но они другие, чем мы. Я все время ощущал, что если они убьют меня, это не будет убийством, как если бы, скажем, меня съел крокодил или задушил орангутанг. Это особый вид существ. У них лица не такие, как у людей.

Словом, карлик вел меня выше и выше, петляя между скалами. К счастью, я не боюсь высоты. Мне был страшен ветер. Карлика он не собьет, слишком тот низко. Раза два или три я едва не погиб. Дом Люта поистине ужасен. Длинный, вроде сарая, снизу кажется, что к нему нет никаких подступов. Но мы туда шли.

Запомните, все время, всю дорогу я видел пещеры. Горы — просто соты какие-то. Этих карликов там тысячи. Истинный муравейник, и ни одного человека, кроме меня.

Сверху, из Лютова дома, идет обрыв к морю. Наверное, таких высоких обрывов больше нет. Внизу там камни, до моря еще футов с тысячу, но ходить по ним невозможно, земли нет никакой, разве что чайке присесть.

Однако вам нужно узнать о Люте. Он сидел в конце этого зала, или сарая, в высоком кресле вроде трона. Ростом он очень высок, но увидев его, я подумал как о карликах — того ли он вида, что люди? Одет он в шукры, на голове у него — железный рогатый шлем.

Была там и женщина, огромная, скуластая, рыжая. Звали ее то ли Хрумхильдой, то ли

Хмурхильдой. Как ни смешно, она сестра твоей приятельницы, Джон, старшая дочь лорда Блазна. Насколько я понял, Лют спустился с гор и увел ее. Представь себе, старик и его младшая дочь скорее обрадовались.

Когда мы вошли, Лют стукнул по столу и заревел: «Корми нас, мужчин!» Хмурхильда накрыла на стол, а он долго безмолвствовал, только смотрел на меня, иногда ревел. Я присел, мне не хотелось, чтобы он думал, что я боюсь его. Он протянул мне рог, я выпил, напиток был крепкий и сладкий. Потом выпил он и сказал, что сейчас у него есть только мед, но скоро мы будем пить кровь из черепов. Мясо мы ели руками. Он пел и кричал, лишь после обеда стал говорить связно. Надеюсь, я ничего не забыл, это ведь самое главное.

Понять это толком мог бы биолог, но я все же усвоил, что карлики действительно другой вид, древнее людей. Тем самым, следы их могут иногда проявляться в людях, более того — человек может как бы пойти назад и стать карликом. Плодятся они очень быстро, и людей к ним приходит немало. Он назвал мне много подвидов, правые, левые, всего не упомнишь.

Затем он рассказал мне, что готовит их идти вниз, и сюда, и дальше. Я спрашивал, для чего это нужно, но он только смотрел на меня и пел дикую песню. В конце концов он прозрел, что борьба — сама по себе цель.

Нет, пьян он не был. Он сказал, что способен понять старомодных людей, которые верят в Хозяина и следуют правилам. Если бы Хозяин и впрямь существовал, поведение их можно было бы считать разумным. Но Хозяина нет, и человеку остается одно. Что именно, он точно сказать не мог, но употреблял слова: «насилие», «власть», «герои». Все прочие — даже и не люди, так, мусор, ни то ни се. Смеялся он над мистером Трутни, и над мечтами о счастье. По его мнению, людишки стараются, копошатся, и все впустую. Я спросил, есть ли прок от его героизма. Он сказал — есть. Для героя, и только для него, смерть — не поражение.

Говорил он много, все в таком духе. Я спросил, что он думает про Гнуснополь, он захохотал, заревел, и ответил, что уж со Снобами карлики неплохо поладят. Спросил я его и о вас, он еще громче смеялся. Он сказал, что с Углом приятно будет сразиться, когда он подрастет. «А впрочем, продолжал он, — не знаю. Может, он просто Сноб наизнанку, браконьер, обратившийся в лесника. Что же до тех двоих, они хуже самых дрянных людишек». Я спросил, почему. Он ответил: «Другим еще простительно, они хоть верят, что там у них есть счастье. Но эти двое — психопаты-неудачники. Толкуют о том, что у них нет иллюзий, думают, что дошли до края — как будто за ними, много дальше, не обитаю я! Он живут на пустыре, который никого не прокормит, между пропастью, которую боятся пересечь, и мною, к которому боятся прийти. Другие просто чистят ручки на тонущем корабле, а твои бледные дружки глупее всех, потому что они знают о крушении. Лучше им сдаться».

Кончил он так: «Что ни говори, живут они ближе всех к Северу. Так и быть, окажу им честь, сам буду пить из черепа Гумани, а вот ей дам череп Классикуса».

Потом он отвел меня к обрыву. «Здесь дует ветер с полюса, — говорил он. — Хоть станешь мужчиной». Кажется, он и пугал меня, но я не остался. Он дал мне еды для меня и для вас и сказал: «Подкорми их, а то крови в них мало». И я ушел от него. Я очень, очень устал.

Глава 7. Как тешат себя мечтами

— Хотел бы я его повидать, — сказал Угл. — Какой умный человек!

— Не знаю, — сказал Гумани. — Я лично борюсь именно против его карликов. Говорил же я,

Гнуснополь неминуемо ведет к ним! Против них я поднимаю знамя, на котором начертано: «человек». Старый Блазн будит атавистические эмоции (не удивляюсь, что дочь у него — валькирия!), сын его Болт снимает с них покров мнимой красоты, но ничуть им не противится. Чем же может это кончиться, спрошу я, как не полным обезчеловечиванием?! Очень рад, что так оно и есть. Поймут, наконец, что без меня не обойтись.

— Прекрасно! — воскликнул Джон. — Но как вы будете с ним бороться? Где ваши люди? Чем станете вы кормить их? У вас же ничего не растет!

— Главное — холодная голова, — сказал Гумани.

— Вот именно, холодная, — сказал Джон. — Вы холодны, Лют — горяч. Какой пыл противопоставите вы его пылу? Разве одолеешь тысячи карликов одною трезвостью мысли?

— Надеюсь, мистер Виртус не обидится, — сказал Классикус, — если я предположу, что это ему приснилось. Мистер Виртус — мечтатель, и платит за свои мечты, как все за них платят: страхами. И то, и другое — порождение рыхлой души. Хорошо известно, что дальше нас Север необитаем.

Виртус слишком устал и не ответил. Скоро все пятеро заснули.

Книга седьмая. К югу от ущелья

Многие хотели бы, чтобы путь к отчему дому был короток и не было на нем ни холмов, ни горы. Но путь есть путь, и больше сказать нечего.

Бэньян

Глава 1. О том, как занемог Виртус

Мне снилось, что путники поднялись с мешковины, и попрощались с бледными братьями, и пошли к Югу. Дождь лил, и ветер свистел. Здесь не бывало иной погоды, и даже Виртус прибавил шагу. Наконец, он признался:

— Джон, я не знаю, что со мной. Когда-то ты спрашивал меня (а может, это Лирия спросила), зачем и куда я иду; и я не ответил.

Тогда мне казалось, что главное — блюсти мои правила, и проходить по тридцать миль каждый день. Я умел противопоставить друг другу лишь долг и хотение; но сейчас я сам не пойму, что я выбрал. Знаешь ли ты, что я чуть не остался с Лютом?

— Как же так?

— Нет, посуди сам. Представим себе, что нет ни Хозяина, ни гор, ни твоего острова. Еще недавно я сказал бы, что это все неважно. А теперь... не знаю. Я не хочу остаться с Блазном, или стать Снобом, или жить, как мистер Трутни. Куда же и к чему я иду? Что делаю я, кроме воспитания воли и обуздания чувств? Да, это хорошая подготовка — но где же цель? К чему я готовлюсь? Неужели они правы, и цель наша — борьба?

— Сердце мое вот-вот разобьется, — отвечал Джон. — Я ушел на поиски острова. Я не так высок духом, как ты, и меня вела лишь мечта. Но я не мечтал с тех пор... словом, уже давно. А теперь мой единственный друг хочет меня оставить.

— Мне тебя жаль, — сказал Виртус, — жаль и себя. Мне жаль любую из этих травинок, и эти скалы, и это небо, но помочь я не могу.

— А все-таки... — начал Джон, но Виртус перебил его.

— Как ты не поймешь! — вскричал он. — Да что бы там ни было, что нам с того? Меня поймали, я в ловушке.

— Почему? — спросил Джон. — Нет, присядем, я устал и спешить нам некуда.

Виртус отрешенно и послушно опустился на камень.

— Неужели ты еще не понял? — спросил он. — Хорошо, скажем — что-то есть.

Но почему я должен туда идти? Если там приятно — это подкуп. Если здесь мне плохо — это трусость. Я хотел выбирать свободно, неподкупно, неустрашимо. Что я, ребенок, чтобы приманивать меня леденцом? Потому я и не думал, есть Хозяин или Его нет. Я знал, что и горы, и яма лишь подточат мою волю, убьют свободу. Такую истину мужественный и честный человек знать не должен.

Темнело, и они долго сидели молча.

— Наверное, я схожу с ума, — сказал Виртус.

— Брось ты это! — сказал Джон. — Поддайся хотя бы раз простому желанию. Не выбирай — захоти.

— Не могу, — сказал Виртус. — Я в тупике, и ответа нет.

— А не ответ ли, — сказал Джон, — что мы того и гляди замерзнем по твоей милости? Стемнело, и Виртус молчал.

— Виртус! — крикнул Джон. — Виртус!!! Он наклонился и ощутил под рукой лишь холодную пыль. Тогда он крикнул снова, и звал, и искал, и, наконец, не мог найти места, где они сидели. Так промучался он до утра, окликая друга, и ему иногда казалось, что все это время с ним рядом двигался призрак.

Глава 2. О том, как Джон стал не младшим, а старшим

Мне снилось, что занялось утро, и грязный, измученный Джон поднялся с земли. Он огляделся, кругом росли скудные травы. Он стал искать путь, и искал его долго, и сел, и заплакал, и плакал тоже долго. Наплакавшись, он встал и пошел к Югу.

Не прошел он и двадцати шагов, как остановился и вскрикнул: у ног его лежал Виртус. Джон быстро опустился на колени. Сердце у Виртуса еще билось.

— Вставай! — крикнул Джон. — Уже рассвело. Виртус открыл глаза и слабо, и глупо улыбнулся.

— Лучше тебе? — спрашивал Джон. — Ты можешь идти?

Но Виртус лишь улыбался, говорить он не мог. Тогда Джон поднял его, но, сделав шаг, Виртус споткнулся, ибо ничего не видел. Когда Джон это понял, он повел его за руку; и познал одиночество, которое знают лишь утешители, нуждающиеся в утешении.

Глава 3. Снова на дороге

Дом мистера Трутни (полное его имя было Рэзон Ле Трутни) оказался пустым, как Джон и думал. Миновав его, он надеялся выйти на дорогу, в крайнем случае попросить помощи у Матушки.

До бывшего обиталища Трутни они спускались по склону; потом тропинка пошла вверх и вывела их на дорогу, откуда Джону открылся край, лежавший к Югу от них. Впервые за много дней выглянуло солнце. Немного подальше, почти от самой дороги, начиналась изгородь, и Джон различил сквозь просветы большую грядку. Как-никак он был сыном фермера. Посадив Виртуса на траву, он кинулся туда, перелез через изгородь, запустил в землю руку и вырвал репу. Через минуту он уже кормил слепого. Солнце грело все сильнее; изгородь была скорее зеленой, чем бурой. Пели птицы, и Джону казалось, что среди них был жаворонок. Насытившись кое-как, друзья легли, пригрелись на солнце и уснули.

Глава 4. Еще южнее

Когда Джон проснулся, Виртус еще спал. Джон поднялся. Ему было тепло и хорошо, только хотелось пить. Спали они у перекрестка: тропа, на которую Джон не мог теперь глядеть без ужаса, смыкалась здесь с тропой, ведущей к Югу. Южный край ему нравился. Перевалило за полдень, трава сверкала, внизу зеленели долины, одна глубже другой. Поближе лежали поля, окаймленные рощами, и домики белели среди деревьев. Джон поднял Виртуса, чтобы показать ему все это, но вспомнил, что тот ослеп, вздохнул и повел его к Югу.

Через несколько часов Джон услышал журчанье и увидел ручеек, извивавшийся то слева, то справа от дороги, тем самым — ее пересекавший. Он зачерпнул воды, напоил друга, попил сам и пошел дальше, все вниз. Трава становилась гуще, в ней пестрели весенние цветы, их было все больше. Дорога извивалась, и Джон то и дело видел глубокие долины, синие от дали; не часто лес или роща скрывали их.

Наконец он заметил кирпичный коттедж, увитый виноградом, и подумал, что в таком домике должен жить управитель. Когда он подошел ближе, оказалось, что здесь управитель и живет — во всяком случае, тот, без маски, работал в саду на солнышке. Джон подошел к калитке и попросил приютить их ненадолго, ибо друг его болен.

— Заходите, заходите! — сказал управитель. — Счастлив принять вас, почту за честь!

И мне приснилось, что управитель этот — сам отец Плюш, который снабжал хересом мистера Трутни. Было ему лет шестьдесят с небольшим.

Глава 5. Чаепитие в саду

— Уже тепло, — сказал отец Плюш. — Попьем-ка чаю тут, в саду. Марфа, неси все сюда.

Служанка расставила кресла, гости уселись. На газоне, под лаврами, было даже теплей, чем на дороге, и в кустах пела птица.

— Слушайте! — воскликнул отец Плюш. — Это дрозд. Нет, и впрямь это дрозд!

Горничные в снежно-белых передниках открыли большие, до полу, окна библиотеки, и вынесли на газон столик, поднос, серебряный чайник и пирожные. На подносе стояли мед и варенье. Отец Плюш стал расспрашивать Джона об его странствиях.

— Ай-яй-яй-яй! — сказал он, услышав о Люте. — Надо бы к нему сходить. Такой даровитый человек... ах, как прискорбно!

Джон описал и бледных братьев.

— Как же, как же, — откликнулся отец Плюш. — Я знавал их папашу. Замечательный человек! Я ему многим обязан. Когда я был молод, я у него учился. Непременно схожу к его мальчикам! Угла я, собственно, встречал. Милейший юноша — узковат, ничего не скажешь, и немного старомоден, но я — ни за что на свете... Да, непременно схожу. Старею, знаете ли, вреден мне тамошний климат.

— Да, там куда холоднее, — сказал Джон.

— Вот именно. Холод бодрит, конечно, но всему есть мера. Этих северян зовут твердолобыми, а я бы назвал толстокожими... ха-ха! Когда у тебя радикулит... ах, что ж это я! Если вы оттуда, вы видали моего друга Трутни!

— Вы и его знаете?

— Знаю? Мы дружим много лет. Собственно, мы в родстве, и живем довольно близко. Он — в миле к Северу, я — в миле к Югу от большой дороги. Еще бы мне его не знать! Много счастливых часов провел я у него. Милейший старикан... Да, и он стареет. Боюсь, он не простил мне, что я еще не совсем лыс!

— Я думал, у вас другие взгляды.

— Ну, конечно, конечно! Но, знаете ли, становишься старше, и обретаешь все больше терпимости. Твердые убеждения так часто бывают безжизненными, бесплодными, черствыми! С годами мне все важнее язык сердца. Логика и догма разделяют, а я помню лишь то, что соединяет — общие чувства, общее стремление к свету. Трутни — добрейшая душа.

— Мне кажется, — сказал Джон, — он не очень добр к своему слуге.

— Нехорошо, нехорошо, мой друг! Надо быть милосердным. Ну, несдержан человек в выражениях... Молодые так строги... Помню, сам я, в ранней молодости... Представляете ли вы себе, сколько к его возрасту перестрадаешь? Да и кто из нас совершенен... Чаю налить?

— Спасибо, — сказал Джон. — Только объясните мне, куда нам идти. Я ищу остров, далеко на Западе.

— Как это прекрасно! — воскликнул отец Плюш. — Поверьте старому бродяге, искать — важнее, чем найти. Сколько счастливых дней предстоит вам!

— Мне хотелось бы узнать, — сказал Джон, — непременно ли надо пересекать Ущелье.

— Надо, друг мой, надо! Не мне вас отговаривать. И все же, мой милый, в наши годы очень опасно что-нибудь решать. Именно в этом заблуждались мои коллеги. Они пытались загнать поэзию в формулы, облечь метафору в догму. Не спорю, в свое время это было неплохо, но теперь, когда мы движемся вперед, это нам сильно мешает. Великие истины нужно излагать по-новому в каждом столетии.

— Я не совсем понимаю, — сказал Джон. — Переходить мне Ущелье или нет?

— Вижу, вы хотите загнать меня в угол! — отец Плюш улыбнулся. — Я и сам был таким. Но с годами теряешь веру в отвлеченную логику.

— Ну, хорошо, — снова попытался Джон. — Скажу так: если переходить его надо, можно ли обойтись без Матушки?

— Ах, Матушка! Я люблю ее и почитаю всем сердцем, но не закрываю глаз на ее недостатки. Кто из нас совершенен, в конце концов? Ничего не попишешь, от века она отстала, современному человеку куда больше скажет эта дивная красота! Не знаю, сведущи ли вы в ботанике, но если вы...

— Мне нужен остров, — сказал Джон. — Можете вы сказать мне, как туда добраться? Ботаника, вы уж простите, не по моей части...

— Жаль, — сказал отец Плюш. — Перед вами открылся бы новый мир, новое, я бы так выразился, окно в вечность. Что ж, если это не по такой части, найдем другой ключ. В конце концов, сколько голов, столько... да... Я ни за что на свете...

— Мне пора, — сказал Джон. — Спасибо вам большое. Можно там, подальше, остановиться на ночлег?

— Конечно! — обрадовался отец Плюш. — Я был бы рад принять вас, но если вы так спешите, недалеко от меня живет мистер Мудр. Интереснейший человек! Когда я был моложе, я к нему хаживал. Светлая голова... немного скучен, быть может... и не без узости... ах, послушали бы вы, как о нем говорит Ле Трутни! Но кто из нас совершенен? Вам он очень понравится.

Отец Плюш попрощался с Джоном, словно тот его любимый сын, и Джон повел дальше своего друга.

Глава 6. Дом мистера Мудра

Ручеек превратился в речку, сверкавшую то серебром, то янтарем. Деревья росли гуще, и, чем глубже была долина, тем лесистей становились ее берега.

Джон и Виртус шли теперь в тени, но солнце освещало горы за лесом и за полями, укромные свежие лощины, голубые и малиновые скалы. Когда путники вышли на поляну, уже летали ночные бабочки. Посередине поляны стоял невысокий дом с колоннами, к нему вел мост, дверь была открыта. Подводя немощного к дому, Джон увидел, как зажгли свет, и в окне показался старец, окруженный своими детьми.

— Живите здесь, сколько хотите, — сказал он, когда Джон попросил у него приюта. — Быть может, мы исцелим вашего друга, если немощь его исцелима.

Присаживайтесь, ешьте, а затем поведайте нам о себе.

Тут мне приснилось, что путников усадили в удобные кресла, и сыновья мистера Мудра принесли им воды, чтобы умыться с дороги. Когда же они умылись, женщина поставила перед ними столик, на котором были хлеб, сыр, ягоды, творог и пахта в кувшине.

— Здесь мы не можем добыть вина, — печально сказал мистер Мудр.

Насытившись, Джон заметил, что все молча ждут рассказа, и постарался вспомнить, как что было. Когда он вспомнил, он заговорил и рассказал все с самого начала, с той минуты, как ему

явился остров.

Затем Виртуса куда-то увели, а самого его проводили в комнату, или келью, где стояли стол, кровать и кувшин воды. Джон лег и сразу заснул, хотя ложе его было жестким.

Глава 7. Ночной путь через Ущелье

Среди ночи Джон открыл глаза и увидел большую луну, светившую в окне, очень низко. У кровати его стояла женщина в темной одежде. Когда он хотел заговорить, она подняла руку.

— Я — Муза созерцания, — сказала она, — сестра мистера Мудра. Встань и иди за мною.

Джон встал и пошел за ней из дома на зеленую траву. Вместе дошли они до леса, и тут он заметил, что лес отделяет расщелина, не широкая, но все же такая, которую не перешагнешь.

— Днем ты ее не перепрыгнешь, — сказала женщина в темном, — но при лунном свете перепрыгнуть ее можно.

Веря ей, Джон собрался и прыгнул, и оказался дальше, чем думал, и даже выше, над деревьями. Приземлился он на холме. Женщина стояла рядом.

— Нам еще долго идти, — сказала она. И они пошли через холмы и долины, освещенные луною, и дошли до утесов, и Джон увидел море. Ночью остров был виден плохо, но он был, и почему-то казался еще ощутимей, чем прежде.

— Когда ты научишься лучше прыгать, — сказала женщина, — мы прыгнем и туда. На сегодня же — хватит.

Джон обернулся к ней, чтобы ответить, но и она, и море, и остров исчезли, и он проснулся в своей келье. Светило солнце, звенел звонок.

Глава 8. По эту сторону, днём

Мистер Мудр, Виртус и Джон сидели на террасе, выходившей на Запад. Ветер дул с Юга. Над холмами стлался легкий туман, и путникам казалось, что холмы эти — в другом мире, хотя до них было совсем недалеко.

— Остров на Западе есть, — говорил мистер Мудр, — есть и горы на Востоке, но тут нас подстерегают две ошибки, и надо их преодолеть, найти путь между ними, иначе мудрости не обретишь. Первую ошибку допускают южане, и состоит она в том, что остров и горы признаются столь же реальными, как эта долина, что они помещены в пространстве. Если и вы думаете так, оставьте это, дети мои, не страшась и не обольщаясь надеждой. Это — суеверие, и всякий, кто ему поддастся, окажется в топях и чащобах дальнего Юга, у колдунов, среди пустых прельщений и бессмысленных ужасов. Такое же суеверие — представлять себе Хозяина как человека, вроде меня или вас.

Другую ошибку допустили северяне, утверждавшие, что остров и горы лишь мираж, порожденный воображением. Не цепляйтесь за нее, дабы избежать той, первой; она ничуть не лучше. Люди, правящие страстями и укротившие воображение, держатся посередине, избегая обеих ошибок, ибо здесь лежит истина. Какова она, вы узнаете завтра, сейчас же мы полечим больного, а вы, дорогой друг, делайте, что вам угодно.

Мистер Мудр встал и увел куда-то Виртуса, а Джон гулял до темноты неподалеку от дома.

Дошел он и до леса, который видел ночью, и там действительно была бездонная расщелина, довольно узкая, но не такая, чтобы через нее перепрыгнуть. Ему показалось, что из нее идет пар, закрывавший другую сторону, но достаточно редкий, и сквозь него видны то мшистый камень, то листва, то сверкающий водопад. Джону хотелось попасть на остров, но он не страдал: слова мистера Мудра и успокоили, и ободрили его.

Он лег на траву и лежал тихо, пока один из сыновей мистера Мудра, проходя мимо, не остановился поболтать с ним. Они лениво переговаривались о том, о сем, но молодой человек все же сообщил ему, что милях в пяти развилка.

Если пойдешь налево, попадешь долгим, кружным путем поближе к дороге, в Шумигам; если пойдешь направо, очутишься в чащобах, в глубине которых лежат Черномагия, Темь и Топь, а дальше, сказал он, одни болота, тростники, крокодилы, скорпионы, и так до самого моря. Живет там несколько теософов, а больше никого, очень уж малярийные места.

Спросил его Джон и о пути через Ущелье.

— Разве ты не понял, — отвечал тот, — что мы на самом его дне?

Поднявшись, он показал Джону, что края долины образуют по обеим сторонам большое U, и прибавил, что восточный склон — пологий, так что путники и не заметили, как спустились.

— Значит, я достиг дна, — сказал Джон. — Теперь-то я доберусь до той стороны!

Молодой человек покачал головой.

— Нет, дна ты не достиг, — сказал он. — Когда я говорил «на дне» я имел в виду самое глубокое место, доступное человеку. Настоящее дно — это дно расщелины, у которой мы сидим. Через нее перехода нет.

— Можно построить мост, — сказал Джон.

— Некуда его перекинуть, — отвечал его собеседник.

— Строго говоря, этот лес и эти горы не вполне реальны.

— Неужели это мираж?

— Нет. Побудешь дольше с моим отцом, поймешь. Это — не иллюзия; это, скажем так, явление. Ты его видишь, как лес и холм, и у тебя со зрением все в порядке, лучше увидеть и невозможно. Только не думай, что туда можно попасть. Слово «туда» в данном случае не имеет смысла, пространственные категории здесь не подходят.

— А как же мой остров? Значит, надо от него отказаться?

— Нет, не надо. Человек непременно стремится на ту сторону, иначе он не человек. Мой отец убивает не стремление, а надежду.

— Как же зовется эта долина?

— Теперь мы называем ее землею Мудра, но на старых картах написано «Юдоль Унижения».

— Трава уже мокрая, — сказал Джон. — Выпадает роса.

— Самое время ужинать, — сказал Мудр-младший.

Глава 9. Мистер Мудр и путники

Назавтра мистер Мудр снова поучал их:

— Займемся теперь тем, что лежит между Востоком и Западом. Оглянитесь вокруг. Вы увидите много троп. Никто не знает, когда их проложили; однако, лишь изучив их, мы разберемся в местности. Вы видели, что мы определяем те или иные ошибки, исходя из того, с какой стороны главной дороги обитают допускающие их люди. Мне скажут, что у нас есть карты, но карты эти бесполезны, если нет дорог, ибо карту и действительный мир объединяет именно этот костяк. Одни говорят, что тропы и дороги проложил Хозяин, другие — что мы нанесли их на карты, а потом каким-то образом перенесли сюда. Но я бы советовал вам держаться лишь того, что они есть, и что не мы с вами их сделали. Более того — ни один человек не мог бы их сделать. Для этого нужно видеть все сверху, собственно говоря — с неба. Человек же на небе не живет. Кроме того, в нашем краю много правил. В Шумигаме скажут, что их придумали управители. Слуги Духа Времени скажут, что их придумали мы, чтобы обуздать похоти ближних и приукрасить свои похоти. Многие же говорят, что их создал Хозяин.

Рассмотрим эти мнения одно за другим. Предположим, правила выдумали управители. Но как же сами они стали управителями, и почему их послушались? Задав этот вопрос, мы вынуждены задать и другой: почему те, кто отвергает эти правила, незамедлительно создают свои, довольно похожие? Человек говорит: «Хватит, теперь я делаю, что хочу», и обнаруживает, что самое стойкое его желание, неизменное среди мимолетных похотей, настроений и страстей — подчиняться правилам. Хорошо, но, быть может, правила эти лишь прикрывают его желания. Какие желания, спрошу я? Далеко не всякие. Сплошь и рядом правила идут наперекор нашему хотению. Желание самому себя одобрить? Но одобрим ли мы себя за выполнение правил, если не сочтем правила благими? Человеку приятно думать, что он умнее или сильнее, чем он есть, лишь в том случае, если он высоко ставит ум и силу. Учение Великана само себя разрушает. Если мы хотим придать достойный вид нашим низменным хотениям, значит, у нас есть понятие «достойного», то есть — сообразного неким правилам. Рассмотрим теперь старый миф о том, что правила эти создал Хозяин. Предположим, так оно и было. Почему же им подчиняются?

Мистер Мудр повернулся к Виртусу и прибавил:

— Слушай получше, мой друг, иначе не исцелишься.

— Причин может быть две, — продолжал он. — Или мы боимся Хозяина, и нами движут страх наказания и надежда на воздаяние; или мы согласны с Ним, ибо считаем хорошим то же, что и Он. Объяснения эти ничего не решают. Если мы подчиняемся из страха или ради награды, это нельзя назвать послушанием, ибо первое, самое главное, правило велит нам быть бескорыстными. Следовательно, в таком случае мы нарушаем волю Хозяина. Но что, если мы с Ним согласны? Увы, получится еще хуже! Тогда выйдет, что правила эти уже существуют в нас, и мы подчиняемся самим себе. Как видите, в обоих случаях проблема остается нерешенной, и гипотеза о Хозяине оказывается ненужной.

Значит, о правилах, как и о дорогах, можно сказать одно: они есть, и не мы их создали. А теперь (и он посмотрел на Джона) то, что касается тебя. Как же этот западный остров? Люди забыли о нем. Великан скажет, что это самообман, за которым кроется похоть. Не все управители о нем знают; из тех же, кто знает, одни, как и Великан, считают его мерзостью, другие видят в нем смутный образ Хозяйского замка. Итак, общей точки зрения у них нет.

Разберемся же в этом сами.

Прежде всего, ни в коем случае не принимай доводов мрачного Духа, что не так уж трудно, ибо ты беседовал с Разумом. Дух этот говорит, что мечтой прикрывается похоть. Однако похоть ею не прикрывается. Если это ширма, то очень плохая. Дух полагает, что темная часть нашей души и очень сильна, и весьма сокровенна, так что мы не можем уйти от ее наваждений. Но когда эта могущественная волшебница делает все, что может, рождается иллюзия, которую даже подросток за два года приучится распознавать. Словом, это чистые бредни. Все, кто видел остров, прекрасно знают, как близко от него лежит похоть; и каждый из них, кроме самых развращенных, испытывает разочарование, ощущая, что похоть эта не венчает, а разрушает то, к чему он стремился. Рыцарь тебя не обманул, мой друг. Если вода не радует тебя, значит, ты испытывал не жажду, а нечто другое, — скажем, хотел упиться вином, чтобы заглушить тоску или одиночество. Узнать, чего мы хотим, можно только по этому признаку. Если бы старые сказки не лгали, и человек, оставаясь человеком, мог пересечь Ущелье, то поднеся кубок к губам, принимая венец, обнимая невесту, он узнал бы, что к этому и стремился, и понял бы, оглянувшись, почему так извилисты дороги желания. Я стар и печален, и я вижу, что тебя уже коснулась скорбь, рождающаяся вместе с нами. Оставь надежду, не оставляй мечты. Не удивляйся, когда отблески твоего видения падают в грязь, где их легко затоптать. Не старайся удерживать их, не ходи туда, где они тебе являлись, ибо ты заплатишь, как платит каждый, связавший здешние места с тем, что не здесь. Разве управители не говорили тебе о грехе идолопоклонства и о том, как, согласно их старым летописям, манна обращалась в мусор, когда ее пытались хранить? Не поддавайся ни жадности, ни страсти, иначе ты сам раздавишь свою мечту. Но если ты в ней усомнишься, помни, что ты испытал, и чему научился. Если ты подумаешь, что это — просто чувство, и захочешь его рассмотреть, ты найдешь лишь биение сердца, ком в горле, неясный образ. Этого ли ты хочешь? Нет, не этого; любые чувства, самые изощренные, разочаруют тебя не меньше, чем грубая похоть. Итак, примем: то, к чему ты стремишься, не внутри тебя, и не ты сам. Тогда не так уж важно, можешь ли ты этого достигнуть. «Быть» — великое благо, и только подумай «он есть», как ты забудешь печаль. Больше того, все, чего бы ты достиг, окажется настолько хуже, что исполнение мечты разочарует тебя. Желать лучше, чем иметь. Красота этого мира — лишь видимость, хотя и не мнимость. Но один из моих сыновей сказал, что поэтому мир еще прекраснее.

Глава 10. Дети мистера Мудра

В тот день Джон беседовал со многими обитателями дома, и когда он удалился в келью, голоса их звучали в его ушах, лица мелькали перед глазами. Ночью он услышал тихий свист и приподнял голову. По ту сторону окна, в лунном свете, кто-то стоял. «Поиграй с нами», — сказал чей-то голос, и снизу, из мрака, послышался тихий смех.

— Здесь высоко, я не спрыгну, — сказал Джон.

— При свете луны? — спросил человек и протянул к нему руки. — Прыгай!

Джон быстро оделся и, к своему удивлению, легко спрыгнул на землю. Через минуту-другую он уже скакал по лужайке с детьми мистера Мудра. Они добежали до леса и, когда Джон, запыхавшись, упал у тернового куста, послышалось звяканье посуды и хлопанье пробок.

— Отец держит нас на диете, — объяснил тот, кто привел его. Приходится добирать по ночам.

— Шампанское от лорда Блазна, — сказал один.

— Окорок от Мамаши, — сказал другой.

— Гашиш с Юга! — крикнул третий. — Из Теми или из Топи.

— А это вино, — робко прибавила одна из дочерей, — прислала Матушка.

— На что оно нам? — сказал ее брат.

— Ешь же ты икру от своих черномагов! — сказала девушка. — И вообще, я его люблю. Я без него болею.

— А ты хлебни виски, — сказал еще кто-то. — Карлики гонят.

— Не знаю, зачем вы все это едите и пьете, — вступил в беседу еще один из сыновей. — Простая здоровая пища из Шумигама, вот что нам нужно!

— Это тебе нужно, Герберт, — сказал новый голос.

— Другим она вредна. Кусочек баранины с мятным соусом — вот это я понимаю!

— Знаем, знаем твои вкусы, Бенедикт! — закричали все.

— Схожу-ка я к старому Люту, — сказал тот, кто советовал сестре хлебнуть виски.

— Ну, нет, Фридрих, лучше в Черномагию! — сказал другой.

— Не ходи, Рудольф! — попросил до сих пор молчавший брат. — Пройдемся лучше в Пуританию.

— Отстань, Иммануил! — отмахнулся тот, кого называли Рудольф. — Шел бы уж прямо к Матушке!

— Альберт к ней ходит, — сказала сестра. Сыновья и дочери мистера Мудра^[16] разошлись поодиночке в разные стороны, а те, кто остался, приставали к Джону, пытаясь пленить его той или иной забавой. Кто-то трудился над головоломкой, кто-то играл в чехарду, кто-то бегал за бабочками, оглашая визгами лес, и длилось это долго, и Джон, проснувшись, не помнил, случилось ли что-нибудь еще. И уж никак не мог он, хотя и старался, выяснить наутро, помнят ли младшие члены семьи о своих ночных проделках. Гадая о том, приснилось ему или они очень хорошо скрывают свою тайну, он склонился ко второй разгадке, ибо слишком уж они сердились, когда он их спрашивал.

Глава 11. Снова мистер Мудр

Когда трое снова уселись на террасе, мистер Мудр продолжал свою речь:

— Мы видели, что существуют три вещи: остров, дороги и правила. Все они есть, все созданы не нами, но мы не знаем, создал ли их Хозяин. Теперь скажу о том, что нельзя полагать, будто остров — на одном краю света, а на другом — Замок. Земля круглая, край света — повсюду, ибо край сферы — ее поверхность. Однако и остров, и замок в определенном смысле реальны.

Ты рассказал мне, Джон, как рыцарь победил Великана, спросив, какого цвета вещи во тьме. Мой друг объяснил тебе, что цвета нет, когда не глядишь, запаха нет, когда не нюхаешь — словом, нет ничего, чего нет в сознании. Значит, и небеса, и красота земли — только

воображение, но не твое и не мое, ибо мы оба видим одно и то же и находимся в одном и том же месте, что было бы невозможно, если бы мир был лишь в нашем сознании. Все это, — и он повел рукою, — существует в чьем-то огромном, могущественном сознании; но если ты спросишь, в чьем, миф о Хозяине тебе не поможет. Хозяин — личность, и каким огромным Он ни будь, сознание Его отделено от твоего, как, скажем, мое. Лучше допустим, что мир не в том или ином сознании, но в сознании как таковом — в безличном начале осознанности, которое непрестанно питает своих тленных детей.

Ты видишь, что это решает все наши проблемы. Дороги проложены так разумно, что мы можем составить карту и пользоваться ею, ибо край наш порожден разумным сознанием. Возьмем твой остров. Ты знаешь о нем лишь одно: увидев его впервые, ты стал к нему стремиться, но дальше все было так, словно стремление — это обладание, а обладание — стремление. Что же значит эта голодная сытость, эта реальная и неуловимая мечта? Все станет ясно, если ты поймешь, что слово «я» — неоднозначно. Я — старик, который скоро уйдет за ручей; но я — и вечное Сознание, в котором содержатся сами пространство и время. Я — Мыслящий, я же — и мыслимый. Остров — то совершенство и бессмертие, которыми я обладаю в вечном Духе и к которым стремлюсь тленной душой. Они здесь — и никогда не станут моими, я ловлю их — и теряю, иметь их — то же, что утратить, ибо я, Вечный Дух, непрестанно покидаю свою дивную обитель, становясь несовершенным созданием, которому вместо вечности даны рождение и смерть. Я, человек, наслаждаюсь утраченным, ибо я есть лишь потому, что я — Дух, и одним Духом жива моя недолговечная душа. Смотри, жизнь держится смертью, они обращаются друг в друга, ибо Дух живет, непрестанно умирая в таких, как мы с тобой, а мы обретаем истинную жизнь в смерти нашей тленной природы, уходя к нашему источнику. Только этому служат все нравственные законы. Умеренность, справедливость, сама любовь хороши лишь тем, что они погружают наши раскаленные докрасна страсти в ледяной поток Духа.

То, что я сказал тебе, и есть Вечное Благовествование. Это знали всегда, этому учили и в древности, и позже. Рассказы о Хозяине — картинки, показывающие людям ту правду, какую им дано понять. Наверное, ты слышал от управителей — хотя, мне кажется, ты никогда не понимал их — легенду о хозяйском Сыне. Согласно ей, Сын Хозяина стал арендатором лишь для того, чтобы его здесь убили. Управители сами толком не знают, как это понимать; и если ты спросишь, чем же помогла нам его смерть, они дадут тебе самые дикие ответы. Но нам понятно, что означает эта прекрасная легенда. Так изобразили на картинке жизнь Самого Духа. Сын — это каждый из нас, ибо мир — не что иное, как Предвечный, отдающий себя смерти, дабы мы жили. Смерть разновидность жизни, и жизнь возрастает новыми смертями.

А как же правила, спросишь ты? Мы знаем, что нельзя считать их произвольными велениями Хозяина, но те, кто думает так, не совсем ошиблись, ибо нельзя и считать, что правила выдумал человек. Вспомни, что мы говорили об острове. Тут снова выступает неоднозначность слова «я». Я — законодатель, и я — подчинен закону. Я, Дух, даю душе, то есть себе же, правила, которым она должна подчиняться; и любой спор между подчинением и хотением — лишь спор между нетленным и тленным «я». Нелепы слова: «Я должен, но не хочу!» словно «Я хочу, и я не хочу» сразу. Научись говорить «Этого хочу я, но и не я», и ты узнаешь тайну.

Друг твой уже здоров, и скоро полдень.

Книга восьмая. Тупик

Необразованные люди отнюдь не лишены ума и сметливости, когда речь идет о них самих или о том, что рядом, но они неспособны к отвлеченному. Все для них — под рукою, а не у края небес.

Глава 1. Два максималиста

Гуляя под вечер на лугу, Джон увидел Виртуса, который был очень бледен и едва волочил ноги.

— Ты ходишь? — вскричал Джон. — Ты прозрел?

— Да, — тихо ответил Виртус. — Кажется, прозрел, — и он, тяжело дыша, оперся о посох.

— Тебе плохо? — спросил Джон.

— Я еще не окреп. Ничего, сейчас отдышусь.

— Присядем, — сказал Джон. — Отдохнешь, и пойдем к дому.

— Я туда не пойду.

— Не пойдешь? Но ты еще не можешь идти дальше!

— Да, не могу. Однако я должен идти.

— Куда же? Неужели ты надеешься перебраться через Ущелье? Неужели ты не поверил мистеру Мудру?

— Верю. Потому и ухожу.

— Нет, постой, — сказал Джон. — Объясни, в чем дело.

— Разве ты не слышал? — спросил Виртус, как бы теряя терпение. Помнишь, что он говорил о правилах?

— Конечно, — отвечал Джон.

— Ну вот, он вернул их мне. Этой — загадки больше нет. Правила надо выполнять, как я и думал.

— И что же?

— Неужели ты не понимаешь, что из этого следует? Вспомни, правилам противилась моя тленная, здешняя природа. Значит, правила не велят оставаться здесь. Вот этот «я», нынешний «я» — враг мне истинному. Если Хозяин — это Дух, то по сю сторону Ущелья и есть черная яма.

— Как раз наоборот, — сказал Джон. — Скорей этот мир — замок Хозяина. Все — в Его сознании, значит — все благо. Вспомни: красота мира — лишь видимость, но мир от этого еще прекрасней. Согласен, правила есть, слушаться их нужно. Теперь я сильнее в это верю, но следовать им мне... ну, легче, что ли. Или проще.

— Что ты говоришь! — вскричал Виртус. — Куда труднее! А я-то, дурак, думал, что есть невинные радости! Словно хоть что-то невинно для нас, если сама наша жизнь — падение!

— Виртус, какая странная мысль! Мистер Мудр научил меня другому. Я как раз думал, сколько во мне еще пуританского. Ведь природа — отражение Единого, и глупейшее из наших

удовольствий так же нужно Ему, как высокий подвиг. Я вижу теперь, что в Абсолюте просветляется любое пламя, даже плотская страсть.

— Можно ли оправдать даже самую скудную, самую простую еду?

— В сущности, Лирия права...

— Этот Лют гораздо умнее, чем кажется...

— Конечно, кожа у нее темновата. Но разве не все цвета входят в спектр?

— Разве каждый цвет — не плод разложения сияющей белизны?

— То, что мы зовем злом — лишь составная часть добра. Даже самый тяжкий наш грех...

— То, что мы зовем праведностью — просто мерзость. Ты глуп, Джон, и я от тебя уйду. Я удалюсь в горы, где ветер холоднее, земля тверже и тяжелее жизнь. Мне еще придется побыть частицей темной тучи, застилающей свет, но я постараюсь, чтобы эта частица стала почти прозрачной. Пусть тело мое искупает грех жизни. Самый строгий пост, ночные бдения...

— Ты сошел с ума? — вскричал Джон.

— Я исцелился, — отвечал Виртус. — Что ты смотришь на меня? Я знаю, что бледен и тяжело дышу. Тем лучше! Болезнь выше здоровья, ибо она хоть немного приближает к Духу.

— Зачем нам уходить из этой милой долины? — начал Джон, но Виртус прервал его.

— Нам? Я тебя не зову. Не тебе спать на терниях и питаться акридами.

— Неужели ты хочешь покинуть меня? — спросил Джон.

Виртус громко хихикнул.

— Дружба, привязанность, как их там — это самые крепкие цепи. Они держат нас здесь. Только дурак, умерщвляя плоть, даст пировать душе. Надо отдать не какие-то радости, а все!

Он встал пошатываясь, и направился к Северу. Раза два он чуть не упал. Одной рукой он держался за бок, словно ему было больно.

— Зачем ты идешь за мной? — сказал он. — Уходи.

Джон остановился, испугавшись его голоса; и снова побрел за ним. Наконец Виртус поднял камень.

— Уходи! — крикнул он. — Я и сам себе враг, кто же мне ты?

Джон пригнулся, камень в него не попал, и я увидел, как они идут один за другим, и Виртус иногда кричит и швыряет камни. Наконец расстояние между ними стало таким, что ни камень, ни голос не могли одолеть его.

Глава 2. Джон не может вернуться

И Джон увидел, что долина стала уже, края ее — круче, расщелина — шире. Собственно, он шел по узкой полосе, как бы по выступу в глубине Ущелья.

Наконец дорогу эту перегородил кусок скалы. Виртус стал карабкаться вверх, тяжело дыша (теперь Джон был к нему ближе). Как-то раз он чуть не упал (Джон увидел кровь на скалах), но полез дальше и вскоре выпрямился, отирая пот. Постояв немного, он что-то крикнул и покатиł вниз валун; когда же грохот утих, Виртуса не было видно.

Джон опустился на камень. Трава здесь росла скудно — такую траву любят овцы, — долина исчезла из вида, и Джону очень хотелось вернуться. Он был смущен и опечален, и боялся снова встретить обезумевшего друга.

«Отдохну, — думал он, — и пойду обратно. Доживу жизнь, как смогу». И тут кто-то окликнул его. Оттуда, где недавно стоял Виртус, спускался человек.

— Твой друг уже там, — сказал он. — Может, и ты поднимешься?

— Он сошел с ума, — сказал Джон.

— Не больше, чем ты, — сказал человек, — и не меньше. Оба вы исцелитесь, если будете держаться вместе.

— Мне не вскарабкаться на скалу, — сказал Джон.

— Я дам тебе руку, — сказал человек, подошел поближе и протянул руку. И Джон побледнел, и голова у него закружилась.

— Сейчас или никогда, — сказал человек. И Джон стиснул зубы, и схватил его руку, и задрожал, но вырваться не мог, да и были они так высоко, что один бы он не вернулся. Наконец Джон упал ничком в траву, а когда он отдышался, человека нигде не было.

Глава 3. Джон забывает о себе

Джон огляделся и задрожал. О том, чтобы спуститься, не могло быть и речи. «Однако и удружил он мне!» — подумал Джон. Над ним громоздились какие-то скалы, а лежал он на небольшом выступе, поросшем травой. Сердце у него упало, но он постарался вспомнить наставления мистера Мудра. «Это я сам, — сказал он себе, — я сам, Великий Дух, веду меня, раба. Какое мне дело, упадет этот раб или нет? Не он реален, а я... я... Я!» Однако он ощущал себя столь непохожим на Вечного Духа, что никак не мог называть его местоимением первого лица. «Ему-то что! — продолжал Джон, — а вот помог бы мне!.. Помог бы, а? Помоги, помоги, помоги!»

И только он произнес (кстати, вслух) эти слова, как новый ужас охватил его. Он вскочил, дрожа еще сильнее.

— Да я молюсь! — крикнул он. — Опять этот Хозяин! Опять эта яма, и правила, и рабство! Меня поймали! Кто мог подумать, что старые пауки сплетут такую тонкую сеть?

Этого он вынести не мог, и тут же сказал себе, что выразился иносказательно. Даже мистер Мудр признавал, что Матушка и управители являют истину в картинках. Без метафор не обойдешься. «Главное, — думал он, помнить, что это метафоры, и не более того».

Глава 4. Джон обретает голос

Мысль эта утешила его, и он — и решительно, и робко — отправился вдоль по выступу. Узкие места сильно пугали его, и вскоре он понял, что не может ступить и шагу, не думая об

Абсолюте, которого так почитает мистер Мудр. Иначе воля его не слушалась; лишь из этого необъятного сосуда он черпал хоть какое-то мужество. Он твердил себе, что, собственно, он сам и есть Абсолют, но не весь, и сейчас обращается к той, другой Его части. Естественно, что ее он называет на «ты». Метафора, конечно... то есть, не только метафора... Ни в коем случае нельзя это путать с мифическим Хозяином... Как об этом ни думай, все будет не совсем то.

И тут с Джоном случилось нечто странное — он запел. Песню его я запомнил не всю, но начиналась она словами:

«Услышь мой крик, послушай мою мольбу! От конца земли взываю к тебе в унынии сердца моего:

Возведи меня на скалу, для меня недостижимую...»^[17]

И слова эти придумал он сам.

Услышав себя, он испугался еще больше. День склонялся к вечеру, на узком выступе стало почти темно.

Глава 5. Сколько стоят пища и питье

Джону было страшно, и очень хотелось есть, и очень хотелось пить. И мне приснилось, что к нему подошел человек и сказал:

— Ночь ты проведешь тут, но я принес тебе хлеба, а в десяти шагах бьет родник. Доползи до него.

— Я не знаю вашего имени, — отвечал Джон, — и не вижу лица, но я благодарю вас. Не поедите ли и вы со мной?

— Я не голоден, — сказал человек. — Сейчас я уйду, только дам тебе совет. Выбирай: или то, или это.

— Что вы хотите сказать?

— Ты остаешься жив лишь потому, что молишь и просишь кого-то, называя его разными именами. А сам себе ты твердишь, что это — просто метафоры.

— Я ошибся?

— Может, и нет. Но играй честно: если Его помощь — не метафора, не считай метафорой и правила. Если Он отвечает на твой зов, значит, Он может говорить и Сам, без просьб. Если ты вправе к Нему воззвать, и Он вправе обратиться к тебе.

— Кажется, я понял. Вы хотите сказать, что я — не свой, что надо мною все же есть Хозяин?

— Пусть так. Чем же это плохо? Ты слышал от Мудра, что правила — и твои, и не твои. Разве ты не собирался выполнять их? А если собирался, тебе же лучше, если Кто-то поможет.

— Да, — сказал Джон. — Кажется, вы меня поймали. Наверное, я все же не собирался выполнять их... или не всегда... или не до конца. Но в каком-то смысле собирался. Знаете, когда занозишь палец, и хочешь вынуть занозу, и боишься. Совсем другое дело — пойти к доктору, чтобы он вынул ее, когда ему вздумается.

Человек засмеялся.

— Вижу, ты хорошо меня понял, — сказал он. — Главное, вынь занозу.

И снова ушел.

Глава 6. Поймали!

Джон легко отыскал родник и, напившись, присел поесть. Хлеб был пресноват, и вкус его показался Джону знакомым. Он так устал, что почти и не думал о недавней беседе. Слова незнакомца лежали на дне его души холодным комком, но в голове мелькали Виртус, утесы, скалы, забота о завтрашнем дне, а больше всего — радость от того, что он сыт и может никуда не идти. И он крепко заснул.

Утром он вскочил в неопишемом страхе. Синее небо стерегло его, скалы ограждали, словно стены темницы, тропа указывала единственный путь. Хозяин настиг его и заполнил мир сплошную. Он распоряжался, Он приказывал, и уйти от Него нельзя было даже на краю света, что там — даже за этим краем! Значит, и впрямь, все — это Он, а ты снова в рабстве, тебя не оставят в покое, тебе не положено ни одного своего угла. И Джону показалось, что он крошечное насекомое, которое поймал и рассматривает в лупу великан.

Однако он умылся, и попил воды, и пошел вперед. Шел он целый день, хлеб придал ему силы. Смотрел он вбок, на отвесный склон, чтобы не взглянуть вниз, и много думал. Он думал о том, что надо будет проститься с островом, ибо даже если такое место существует, нельзя тратить душу на поиски. Но это его не очень опечалило — он тосковал теперь скорее по Кому-то, а не по чему-то. Утешал он себя и тем, что Хозяин, конечно, совсем не такой, как говорили управители, поскольку человек не может создать Его правильный образ.

Глава 7. Отшельник

Джон услышал негромкий звон, и взглянул, и увидел часовенку в пещере, и отшельника по имени Историй, такого худого и старого, что руки его были прозрачны.

— Зайди ко мне, сын мой, — сказал отшельник, — и поешь, и попей, а тогда продолжай свой путь.

Джону было отрадно услышать человеческий голос среди этих скал, и он вошел в пещеру. Отшельник дал ему воды и хлеба, а сам только выпил немного вина.

— Куда ты идешь, сын мой? — спросил он.

— Мне кажется, отец, я иду, куда не хочу, — отвечал Джон, — ибо искал я остров, а нашел Хозяина.

Отшельник смотрел на него, то ли кивая, то ли трясясь от старости.

— Снобы правы, — продолжал Джон, как бы думая вслух, — и бледные братья правы, миру не утолить моей жажды, и остров — одно мечтание. Но я забыл, отец, что ты не знаешь этих людей.

— Я знаю всю страну, — сказал отшельник. — Где они живут?

— К Северу от дороги. Снобы — на земле Маммона и Духа Времени, бледные — перед самыми

горами, в Краю Твердолобых.

— Я бывал там нередко в молодые годы. Скажи мне, держатся ли они своих прежних обычаев?

— Каких же именно?

— Смотря по тому, кто на чьей земле. Когда свернешь с дороги к Северу, по правую руку будут Маммон и этот Дух, и еще кое-кто, а по левую, у самых гор, две девицы, как же их звали... ах, да, Спесильда и Профанна. Девицы эти вводили у себя странные обычаи. Многих тамошних жителей я перевидел — и стойков, и манихеев, и спартанцев, многих. То они вздумают, что есть вредно; то их няньки, выливая воду, выбрасывают и младенца; то они увидят лисицу без хвоста и рубят хвосты собакам, лошадям и коровам. Помню, никак не могли решить, что же отрубить людям, пока один не догадался отрезать всем носы.

Но самый главный их обычай — такой: они не исправляют, а уничтожают. Грязную тарелку они не моют, а бьют; грязное белье не стирают, а сжигают.

— Да это же очень дорого!

— Конечно. Но они живут за счет своих соседей.

— Должно быть, они — богатые люди.

— Еще бы! Очень богатые. Не припомню, чтобы там селился хоть один бедный человек. Когда простые люди сбиваются с дороги, их тянет к Югу. А туда, к горам, переходят чаще всего с земель Маммона. Наверное, твои бледные — покаявшиеся Снобы.

— Скажи мне, отец, почему они так странно ведут себя?

— Ну, прежде всего, — они очень мало знают. Они не бывают нигде, ничему не учатся. Они не слышали даже, что есть другие земли, непохожие на Шумигам и на Гнуснополь — разве что до них дойдут смутные слухи об южных болотах, и они решат, что к Югу от них одни болота и есть. Они и хлеба не едят поэтому. У Маммона им попадались или белые булки, лишенные вкуса, или пирожные с кремом, которые привозят с Юга; но им и в голову не приходит зайти на любую ферму у дороги и попробовать свежего хлеба. Дети напоминают им о мерзостях маммоновых блудниц, но им и в голову не приходит пойти и посмотреть, как играют на лугу сыновья и дочери живущих при дороге. Что же до носов, в их краю и нюхать нечего, а у Маммона — или вонь, или ароматы. Вот они и не видят, зачем человеку нос, хотя у дороги стоят стога сена.

— Скажи мне, отец, — спросил Джон, — есть ли на свете мой остров?

— Это долгий рассказ, — отвечал отшельник. — Начинается дождь, идти тебе нельзя, так что — послушай.

Джон выглянул из пещеры. Стог сена стал темным, и теплый дождь струился с небес.

Глава 8. Рассказ отшельника

Когда Джон уселся рядом с ним, отшельник сказал:

— Рассуждая об острове, они ошибаются точно так же. Что они сказали тебе?

— Что это выдумка лорда Блазна, а его подкупили темнокожие девушки, отвечал Джон.

— Бедный Блазн! Они к нему несправедливы. Не так уж он плох, только идти к нему надо не за наслаждением. Если ты, наслаждения ради, будешь снова и снова слушать его песни, что останется тебе, как не объятия его дочери?

— Так оно и было, отец. Но никто не верит, что к острову я стремился раньше, чем встретил лорда Блазна, до всякой песни. А они говорят, что остров он выдумал!

— Ничего не поделаешь, темные люди! Если что-то им нравится в их деревне, они считают, что это любили везде и всегда, хотя за пять миль о том и не слыхали. Если им что-нибудь не по вкусу, они назовут это провинциальным, дешевым, отсталым, хотя бы это любили во всем свете.

— Значит, каждого тянет к острову?

— Не всегда это остров, бывает иначе, а некоторых, не совсем здоровых, и вообще никуда не тянет.

— Скажи мне, отец, что же это? Связано ли оно с Хозяином?

— Да, с Хозяином оно связано. Это видно и по плодам: смотри, докуда ты дошел.

— Управители говорят, что Хозяин создал правила.

— Не все управители много бродили. А те, кто бродил, знает, что Он создал далеко не только правила. Какая польза от правил, если не умеешь читать?

— Почти все умеют.

— Но не с самого рожденья. Картинки мы узнаем раньше, чем правила. А неграмотных или полуграмотных на земле гораздо больше, чем ты думаешь.

— Значит, этим людям хватает картинок?

— Не сказал бы. Одни картинки, без правил, опасны; опасны и одни правила. Потому-то лучше всего найти Матушку сразу, и с детства знать то третье, что принес нам Сын Хозяина. Да, лучше всего и не ведать о споре между картинками и правилами. Посланники того, кто враждует с Хозяином, трудятся без устали, и сея неграмотность, и прививая слепоту к картинкам. Даже там, где властвует Матушка, люди могут состариться, не научившись читать. Власть ее всегда на краю гибели, не погибнет никогда.

Вот, например: как только человек снова уйдет от нее к Языкам, Хозяин посылает ему картинки, порождая в нем сладостную тоску, и приводит к Матушке, как привел когда-то не нынешний, захудалый, а тот, благородный народ Языков. Другого пути им нет.

— Что же это за народ? — спросил Джон.

— Я забыл, что ты побывал не везде. Должно быть, ты не посетил их страну — теперь она невелика — хотя душа твоя всегда жила в ней. Самое странное в ней, что там не слыхали о Хозяине.

— Многие не слыхали о Нем.

— Нет, многие не хотят о Нем слышать. Однако для этого надо по меньшей мере слышать о

Нем. А Языкам никто не сказал или сказал так давно, что они забыли. Понимаешь, враг Хозяина занял у них Его место и зорко следит, чтобы слухи не просочились к ним.

— Что ж, уследил он?

— Нет. Обычно считают, что уследил, но ошибаются. Обычно считают, что ему удалось обмануть тамошних жителей ложными слухами. Но я бывал в той стране, и не думаю, что это так просто. На самом деле Хозяин многое им сообщил.

— Что же именно?

— Понимаешь, Языки неграмотны, потому что враг Хозяина сразу закрыл там все школы, когда завоевал их страну. Но картинки у них были. Как только ты сказал про остров, я сразу понял, о чем идет речь; я много раз видел его на картинках.

— Что же делали эти Языки?

— Почти то же самое, что и ты. Картинка пробуждала в них мечту. Потом они совершали много ошибок, пытаясь поймать ее. Если это им не удавалось, они создавали ее подобие. Если удавалось, они тщились получить от нее наслаждение. Да ты и сам все это знаешь.

— Конечно!.. А что бывало дальше?

— Они выдумывали рассказы о картинках и старались в них поверить. Они кидались к темнолицым девушкам, убеждая себя, что только это им и нужно. Они уходили далеко на Юг, в Черномагию. Они совершали много нелепостей и непотребств; но, куда бы они ни зашли, Хозяин находил их. Когда Его картинки стирались и блекли, он посылал им новые, и прежние выдумки становились пресными. Когда им казалось, что с них достанет похоти и ведовства, возвращалась старая весть и с нею — старое томление.

— Да, я знаю. А потом все сначала.

— Вот именно. Но были и грамотные. Ты слышал об овечьем стаде?

— Я надеялся, что ты не заговоришь о нем! Да, слышал от управителей. Наверное, это было неприятней всего. Сразу ясно, что Овцы — те же самые Языки, только похуже.

— Ты ошибся, — сказал Историй. — Вот и видно, что ты и те, кому ты веришь, мало путешествовали. Ты никогда не был ни в стране Языков, ни в стране Овец. Овцы умели читать, запомни это. И потому Хозяин дал им не картинки, а правила.

— Кому же нужны правила вместо острова?

— Спроси, кому нужна стряпня вместо обеда. Разве ты не видишь, что Языки начали не с того конца, как ленивые ученики, балующиеся риторикой раньше грамматики? У них были картинки для глаз, а не тропы для ног, и потому многие из них только и могли, что томиться, и развращать мечтой воображение, и просыпаться в унынии. Ведь их землей правил враг. Овцами правил Хозяин. Он проложил тропы. Если ноги идут, куда надо, и руки, и голова движутся туда же. А руки и голова под ногами не властны.

— Ты так много знаешь, отец, — сказал Джон, — что я не стану спорить. Но сам я слышал другое. Я слышал, что многие Языки далеко зашли.

— Да, они пришли к Матушке. Я это не раз видел. Истинные Языки — это те, кто не собьется с дороги и придет к ней. Беда лишь в том, что истинных Языков очень мало. Как же иначе? Ты знаешь сам, сколько миражей на этом пути. Тысячи тропок ведут в тупик, и лишь одна — к дому.

— Разве Овцы не так же плохи на свой лад? Разве они не упрямы, не жестоки, не узки?

— Дорога всегда узка. Они нашли ее, огородили, они ее чинили и чистили. Но не думай, что я противопоставляю их Языкам. Истина в том, что и те, и эти — лишь половина человека, и они не могли исцелиться, пока Сын Хозяина не сочетал их навек. Не исцелишься и ты, пока не догонишь того, кто спал у меня прошлой ночью.

— Виртус был у тебя? — воскликнул Джон.

— Да. Он не назвался, но я узнал его. Мы дружили с его прадедом, тот был из Овец. Ты ничего не добьешься без него, он — без тебя.

— Я рад бы, — сказал Джон, — но он очень сердится, и я боюсь к нему подойти. Если он и помирится со мной, мы снова повздорим, так у нас бывало много раз.

— Самим вам не помириться, вас помирят лишь третий.

— Кто же?

— Тот, Кто помирил Языков и Овец. Чтобы найти Его, надо довериться Матушке.

— Дождь стал еще сильнее, — сказал Джон, выглянув из пещеры.

— Он будет лить до утра, — сказал отец Историй. — Останься до утра и ты.

Глава 9. Остров

— Я вижу, — сказал Джон, — что это сложнее, чем думают и Снобы, и Бледные Братья. Но насчет острова они правы. Судя по тому, что ты сказал мне, мечтать о нем очень опасно.

— Все опасно для нас, арендаторов, — сказал Историй.

— Знаешь, что случается с теми, кто учится бегать на коньках и решает никогда не падать? Падают они ровно столько же, сколько другие, а кататься никогда не научатся.

— Ты же сам говорил, что Языки начали не с того конца!

— Да, говорил. Но если ты принадлежишь к ним от рождения, по природе, выбора у тебя нет. Лучше начать с другого конца, чем не начинать никак. Языков гораздо больше, чем Овец. Ко многим первой приходит картинка; и те, кто пытаются ее не видеть — стоики, ригористы, люди без дураков — просто подыгрывают врагу, сами того не зная.

— Какие еще бывают картинки?

— Самые разные. Некоторые видят прекрасные существа, некоторые — дивные пейзажи. Самое удивительное было в краю, который зовется Средневековия. Поистине, Хозяин превзошел Самого Себя! И Ему приходится хитрить, иначе врага не обманешь. Край этот заселили колонисты из Языков, когда у них на родине враг обратил все стремленья в плотскую похоть. Бедные колонисты до того дошли, что, помечтав с минуту, видели самых мерзких

темнолицых девиц. И Хозяин решился на великий риск — Он послал им картинку, на которой была прекрасная дама. Никто не знал до этого никаких дам, но ведь дама — это женщина, и враг не заметил подвоха. Тут его и подстерегал поистине мастерский выпад: люди просто с ума посходили по этой картинке, и стали слагать дивные песни, и увидели прекрасных дам, которые жили среди них, и любовь к женщине стала на время мечтанием из мечтаний, а не грубым наслаждением. Конечно, игра была опасна — Хозяин почти всегда играет в опасные игры! — и врагу удалось подпортить эту картинку, но не так сильно, как он хотел бы, и не так сильно, как говорят теперь. И раньше, чем враг немного оправился, один из арендаторов сумел, гонясь за этой картинкой, прийти, куда надо. Он написал об этом Комедию, то есть повесть с хорошим концом, и она была так прекрасна, что ее прозвали Божественной.

— А как же лорд Блазн? — спросил Джон. — Когда и почему начал он слагать свои песни?

— Незадолго до того, как я ушел в пещеру, — отвечал Историй. — Тогда он был иным, он очень поглупел с годами. Шумигам еще не построили. У врага были верные арендаторы в том краю, но сам он являлся редко. Мистер Маммон прикупал земли, строил фабрики, лесов и полей становилось все меньше, народ страдал малокровием и сильно горевал. Тогда Хозяин сделал занятнейший ход: послал им картинки тех мест, где они и жили, как бы набор зеркал. Люди заметили красоту пейзажа, как жители Средневековии заметили женщин, и красота эта стала для них тем, чем стал для тебя остров. Они припомнили басни Языков и придали им новый смысл; а поскольку на картинках были и женщины, к ним вернулся и культ влюбленности. Хозяин часто это делает когда старая весть угаснет, он воскрешает ее в самом сердце новой. Гонясь за новой мечтой, сложили столько песен, что я не все помню, и совершали подвиги, и ошибались, и сбивались с пути, и все-таки нередко приходили домой. Лорд Блазн — один из последних и самых жалких рыцарей этой дамы.

— Я не совсем понял, отец. Что же сделал Хозяин и что сделал враг?

— Ну, как же? Раньше картинка являла то, чего рядом нет, и люди могли творить из нее кумира. На сей раз Хозяин выбил у врага это оружие — люди видели одно и то же и на картинках, и в жизни. Даже недалекий арендатор мог понять, что пейзаж принадлежит ему в том единственном смысле, в каком это слово истинно. Конечно, враг, оправившись, измыслил хитрый ход: именно потому, что пейзаж не может стать далеким кумиром, его легко лишить очарования.

Тягу к нему нетрудно назвать просто удовольствием, которое испытывает на прогулке любой здоровый человек, а потом сказать, что шум подняли на пустом месте. Сам понимаешь, как льстит такое объяснение тем, кто картинок не видел и злится на видевших.

— Теперь мне многое стало ясно, — сказал Джон. — И все же, ты говоришь, что картинки блекнут, их приходится сменять. Быть может, северные братья правы, выметая обломки былых откровений?

— И это ты сказал потому, что мало видел, — ответил старец. — Им кажется, что Хозяин работает, как их фабрики — выдумывает что ни день новые машины взамен старых. Но они совершают две ошибки: во-первых, они и не представляют, как медленно действует Хозяин, как невообразимо редко дарует Он новую весть. Во-вторых, им кажется, что новое вытесняет старое, на самом же деле оно его восполняет. Я не видел ни разу, чтобы человек, высмеивающий и презирающий старую весть, действительно принял другую, новую. Прежде всего, это так долго длится. Помню, Гомер в краю Языков смеялся над картинками, которым предстояло еще веками пленять людей. Помню, Жан де Мэн в Средневековии смеялся над портретами Дамы, когда они еще не очаровали и половины его сограждан. Насмешка не

вызвала новой вести, и он никому не помог, кроме врага.

Глава 10. Копия и подлинник

В пещере долго царила тишина, только шумел дождь, потом Джон сказал:

— И всё же... и всё же, отец, я боюсь. Мне страшно, что Хозяин хочет от меня совсем не того, чего хочу я.

— Да, не того, и ты это увидишь. Но ты уже понял, что, пока не обретишь, не знаешь и сам, чего хотел.

— Так говорил и мистер Мудр. Да, это я понял. Должно быть, мне страшно вот отчего: а что, если мой остров — не от Хозяина? Что, если на свете есть другая, враждебная Ему красота, и Он не разрешит мне ее коснуться? Как мы докажем, что остров — от Него? Отец Угл считает иначе.

— Ты доказал это сам, своей жизнью. Разве все, что чувства и мечты подсказывают тебе, не оказалось ложным? Разве ты не понял, отрешаясь от них, что стремление твое может удовлетворить лишь Он?

— Но тогда это так... так непохоже на все, что мы знаем о Нем! Признаюсь тебе в том, чего никому не хотел говорить: иногда стремление мое и впрямь походило на плотскую похоть. Снобы правы, это — физическое ощущение, словно дрожь или голод.

— Знаю, знаю. Бойся этой дрожи, но не слишком. Стремление твое лишь предвещает то, что ты обретишь. Помню, один мой друг из Средневековии сказал, что тоска души изливается в плоть.

— Он так сказал? Я думал, одни Снобы это знают. Не смейся надо мной, отец, я неучен и слушал тех, кто еще неученей меня.

Дождь ускорил сумерки, стало темно, отшельник зажег лампаду, огонек ее осветил его бледное птичье лицо. Он поставил перед Джоном еду и попросил его поесть и лечь.

— Спасибо, отец, — сказал Джон, — я очень устал. Не знаю, зачем я мучил тебя расспросами про остров. Это давно прошло. Я его и не вижу, и почти не хочу туда.

Старец сидел тихо и едва заметно кивал.

— Скажи, если он от Хозяина, почему он так выдохся? — спросил Джон.

Старец спросил в свой черед:

— Тебе никто не говорил, что стремление твое похоже на влюбленность?

— В каком смысле?

— Будь ты женат, ты бы знал и сам. Сперва — радость, затем — боль, затем — плод. А уж потом — новая радость, иная, чем первая. Ту, первую, удержать нельзя. Непрестанная страсть — мечта блудницы, и пробуждение от нее — отчаянье. Не удерживай первого восторга, он свое сделал. Если манну хранить, она гниет. Но ты уже спишь, и я умолкаю.

И мне приснилось, что Джон лег на жесткое ложе, а отшельник зажег две свечи в глубине пещеры и стал говорить какие-то священные слова.

Книга девятая. Ущелье

Ты не уснешь, пролежи ты хоть тысячу лет, пока не разожмешь руку и не отдашь того, что не тебе давать или держать. Разожми руку, и ты заснешь, и ты проснешься.

Джордж Макдональд

Лучше не рыпайтесь.

Любимое изречение полицейских

Глава 1. Внутренний свет

Когда Джон открыл глаза, была глубокая ночь, но в пещере сиял свет, словно от сотни свечей. Старец крепко спал у другой стены, а между ними стояла женщина, похожая лицом и на рыцаря по имени Разум, и на Матушку.

— Я — Повелительница Созерцания, — промолвила она. — Иди за мной.

— В тот раз ты была иною, — сказал Джон.

— Тогда тебе являлась не я, а моя тень, — сказала женщина. — От теней моих мало проку, мало и вреда. Однако встань, я тебя зову.

Джон встал и она повела его из пещеры. Дождь лил, тьма сгустилась, но женщина шла в столбе света, и капли, сверкавшие в нем, были радужными на поверхности и алмазными в сердцевине. Джон и женщина миновали горы, проскользнули над Ущельем и пошли по морю. Поначалу вода была светлой лишь там, где двигались они, позже она вся засветилась и сияние поглотило их. Наверное, занялось утро, ибо воздух был прохладен, и трава, которою сменилось море, сверкала росой, и свет бежал им на встречу. Теперь с ними шло много людей. Впереди, за оградой, высилась башня, в ограде были ворота. Глубоко погребенное воспоминание ожило в его душе, он сперва обрадовался, но узнал те страшные башни, которые видел некогда из Пуританин, и посмотрел под ноги, и там журчал ручей, за который ушел когда-то дядя Джордж. Он попытался вырвать руку, но не смог, женщина влекла его к замку, толпа шла туда же, и все лица озаряла непонятная радость. Джон закричал и, еще вырывая руку, проснулся в пещере отшельника.

Глава 2. Свет молнии

Здесь царила тьма, лишь мирное дыхание старца напоминало Джону, где он. И сразу, вспомнив все, он пополз из пещеры, обдирая ладони и колени. Дождь превратился в ливень, бушевала гроза, гром грохотал в скалах, но холодная влага, лившая на спину, была лучше горячего пота, заливавшего ему лицо. Встать он не смел, воскресли старые страхи, он провидел сквозь тьму черную расщелину, кишашую змеями и пауками. Молнии сверкали чаще и чаще, Джон видел скалы и кручи, и припоминал дядю Джорджа, и думал, что таким же будет он сам, если сорвется в пропасть. Когда страх его достиг высшей точки, из мрака раздался голос:

— Вернись!

Но Джон не знал, хватит ли у него на это сил.

— Вернись, — повторил голос, — или покажи, на что годишься.

И в свете молнии Джон увидел друга своего, рыцаря — без коня, но по-прежнему в латах.

— Хочешь сразиться со мной? — спросил рыцарь Разум.

Безумная мысль мелькнула в мозгу у Джона — схватиться за коленчатый локоть и перепрыгнуть расщелину; но он представил себе, как рыцарь падает с ним в пропасть.

— Здесь мне не повернуться, — тихо сказал он, но все же повернулся, и быстро пополз назад, и достиг пещеры. Гроза утихла, он увидел звезду.

Последние капли хлестнули его, а когда лунный свет залил пещеру, Джон застонал и вышел снова.

Глава 3. Тьма

Рядом с собою он увидел лицо. Облако скрыло луну, лицо исчезло, но он знал, что оно здесь — старое, страшное, большое, не сливающееся воедино. И он услышал голос:

— Ты все думаешь, что боишься черной ямы? Разве ты не понял, почему они убеждали тебя, что за ручьем ничего нет? Потому что в таком случае нет и меня, и не надо меня бояться. Можно сказать так: где я, там их нет, где они — нет меня. Но я не отрицание, не ноль, и ты это знаешь. Иначе с чего бы ты так старался забыть своего дядю? Для тебя я — поражение, шаг в неизвестность, полная беспомощность, последний риск, утрата свободы. Сын Хозяина ничего не боялся, но меня боялся и Он.

— Что же мне делать?

— Что выберешь. Прыгай сам, или жди, пока тебя толкнут. Закрой глаза или жди, пока их завяжут. Сдайся или продолжай бесцельную борьбу.

— Я бы сдался, если бы мог.

— Тогда я стану тебе служанкой, а не владычицей. Исцеление от смерти смерть. Отдавший свою свободу получит ее с избытком. Идем же к Матушке.

Луна показалась снова, и Джон увидел рядом глубокое Ущелье. На дне его мелькали какие-то люди и сверкала вода. Ему показалось, что его ждут — люди как будто расступились — и он осторожно двинулся вниз по крутому откосу, цепляясь рукой за скалы. Футов через сто он присел на выступ, очень кружилась голова, и двинулся дальше. Страх стал иным — холодным, ясным, спокойным; и Джон спускался все ниже.

Глава 4. *Securus te projice*[\[18\]](#)

На самом дне Ущелья стояла Матушка в сверкающем венце, и в руке у нее был скипетр. Люди держались чуть поодаль, за пределом светлого круга, и глядели на нее, а сама она глядела на Джона, цепляющегося за камни. Недалеко, в светлом круге, сидел обнаженный Виртус. Сразу за ним начинался полукруглый пруд, как бы срезанный другим склоном, который поднимался отвесно до края Ущелья. Люди молчали, пока жалкий человечек не вышел из тени скал и не пошел к ним в лунном свете.

— Я сдаюсь, — сказал Джон.

— Это хорошо, — сказала Матушка. — Долго тебе пришлось идти, а я бы тебя перенесла за

одну минуту. Но ничего, хорошо и так.

— Что мне делать сейчас? — спросил Джон.

— Снять свои лохмотья, — ответила Матушка. — Вон, друг твой уже разделся! А потом — ныряй в пруд.

— Я не умею нырять, — сказал Джон.

— Уметь тут нечего, — сказала Матушка. — Когда ныряешь, как раз и не надо ничего делать.

— Только не пытайся сохранить жизнь, — улыбнулся Виртус.

— Что ж, — сказал Джон, — если все одно, я просто прыгну.

— Совсем не все одно, — сказала Матушка. — Прыгнув, ты можешь сильно ушибиться, да и не нырнешь глубже. А тебе надо попасть как можно глубже, ибо с этой стороны ты не вынырнешь. В скале — проход, и кончается он далеко отсюда. Туда и выйдешь, прямо на землю.

— Они заманили меня сюда, чтобы убить, — подумал Джон и все-таки стал раздеваться. Снимать ему пришлось немного, одни лишь грязные лохмотья, но кровь на них запеклась, и отодрать их было трудно. Когда он разделся, Матушка подвела его к пруду, у которого уже стоял Виртус. Спускаться пришлось дольше, чем он предполагал. Дойдя до края, он хотел нырнуть прежде, чем испугается, но сама эта мысль была такой горькой, что ему показалось, будто самое плохое позади, и он уже в воде. Однако он стоял на берегу, все по эту сторону. И тут с ним случилось странное: он услышал голоса теней.

— Еще не поздно, — сказал старый Умм. — Вернись ко мне и это исчезнет, словно сновиденье.

— Неужели ты можешь расстаться со мной навсегда? — сказала Лирия. — Я знаю, сейчас я тебе ни к чему, но навсегда?.. Подумай!

— Неужели об этом ты и мечтал? — сказал Блазн. — Где тут твой остров? Вернись ко мне, и я спою.

— И не стыдно? — сказал Болт. — Какой же ты после этого мужчина?

— Надеюсь, — сказал Сигизмунд, — ты знаешь, что это? Религиозная меланхолия. Если ты нырнешь, ты вынырнешь безумным.

— Позаботься о себе, — сказал Трутни. — Умеренное благочестие украшает жизнь, но этот максимализм... Где твой вкус?! Уволь, не понимаю.

— Что за атавизм! — сказал Гумани. — Ты просто уваливаешь от дела. В конце концов, нырять гораздо легче, чем строить.

— Дорогой мой, — сказал Плюш, — одумайся, очень тебя прошу! Не бери на себя лишнего. Эти порывы, знаешь ли, не доведут до добра. Поосторожней, мой тебе совет, попроще, я бы сказал — помягче.

И тут заговорил Виртус:

— Решайся, Джон. Чем дольше мы тут стоим, тем нам хуже.

И Виртус нырнул, и исчез из виду. Я не знаю, как решился Джон и что почувствовал, но он тоже потер руки, закрыл глаза и нырнул — не очень ловко, однако головой вперед.

Глава 5. Ущелье

Сон мой стал смутным, и я не знаю, как плыл через проход бедный Джон. Одно запало в мою память: из всех, кого он повстречал на своем пути, только Мудр явился ему в пещерах, и смутил его, объяснив, что человек не может оказаться там, где он сейчас, так что все это, как теперь называют, миф. Но сразу же зазвучал другой голос:

— Сын Мой, если хочешь — да, это миф. Это — истина, а не факт. Но это Мой миф и Моя истина. Слова самого Мудра — тоже иносказание, но он этого не знает; и потому миф властвует над ним или, точнее, остается его выдумкой. А этот миф создал Я, под этим покровом Я пожелал явиться твоим чувствам. Их тоже создал Я, чтобы ты мог увидеть Мое лицо и жить. Разве Языки не знали истории о Семеле? Разве хоть где-то и когда-то не знали, что хлеб и вино тело и кровь умершего, но живого Бога?

И почти сразу краски и звуки оглушили и ослепили меня. Запели птицы, зашумели листья, Джон и его друг оказались в зеленом лесу. Много паломников поджидало их, и все они пошли на Запад, по берегу светлой реки. И сколько они шли вдоль нее, с ними ехал рыцарь, и беседовал, и не исчезал.

Долго снилось мне шествие, неспешно идущее по долине. Наконец они пришли к белому берегу моря, на западный край света, который лежит за древними лесами. Было утро, и я услышал пение волн. Завидев море, паломники остановились. Я не знаю, что видели другие, но Джон видел остров.

Утренний ветер принес знакомое благоухание, особенно чистое в чистом воздухе и горьковатое от моря. Джон глядел теперь не один. Чувства его стали иными, ибо их пропитало смирение, и красота явилась ему не в одиноком мечтании, как является она поэтам, и не в гордыне тайны, но в простоте сказки, в светлой печали виноградных гроздьев, в свежести утреннего поля. А с нею пришли и страх, и надежда, и радость от того, что остров так не похож на прежний мираж, что знай он это, он не стал бы его искать.

Глава 6. Nella sua voluntade^[19]

Что было с другими, я не видел, но к Джону и Виртусу подошел Житель Гор и сказал, что теперь он поведет их.

— Спасибо, — сказал Джон. — Мы поплывем на лодке?

Житель Гор покачал головой.

— Приглядишься к острову, — сказал он. — Что ты видишь?

— Скалы там такие же, как Замок Хозяина.

— Они не такие же. Это Замок и есть.

— Как же так? — сказал Джон, и сердце у него упало. — Те были на Восточном краю света, а мы все время шли на Запад.

— Земля круглая, и ты ее обошел, — сказал Житель Гор. — Твой остров это горы, только ты

видишь их сзади. Никакого острова и нет, с той стороны идет суша.

— Как же мы туда попадем?

Житель Гор посмотрел на него, как смотрит добрый человек на собаку, которую он сейчас насильно поведет домой.

— Придется идти назад, — сказал он. — Кораблей тут нет, нужно прийти на Восток и пересечь ручей.

— Что ж, — сказал Джон. — Лучшего я не заслужил. Значит, я обошел свет, чтобы проделать путь, который дядя проделал в полчаса.

— Кто знает, где твой дядя, кроме Хозяина? Кто знает, где был бы ты сам, если бы пересек ручей прямо у дома? Поверь, Хозяин привел тебя сюда самым коротким путем.

— Ничего не поделаешь, — сказал Виртус. — А я-то думал, что там, под землею, мы пересекли ручей.

— Ты много раз будешь так думать, — сказал Житель Гор. — Ручей не пересечешь с одного раза. Они помолчали.

— Если вы решились, идемте, — сказал Житель Гор. — Страна покажется вам не такой, как прежде.

Книга десятая. Путь паломника

Представим себе человека, лишенного знаний, которые нам поставляют чувства. Представим себе, что, возжаждав, он сыплет в глаза золотую пыль; завидев огонь в очаге бежит прочь; утомившись, надевает железные цепи. Представим себе, наконец, что к нему пришел благодетель и показал, как пользоваться тем, что окружает его.

Джон Лоу

Глава 1. То же самое, но иначе

И мне приснилось, что Житель Гор повел их в ту страну, где они жили прежде. Не ныряя и не проплывая сквозь скалы, они перешли Ущелье и оказались в том самом месте, где повстречали впервые Матушку. Я взглянул туда же, куда и они, ожидая увидеть немного к Северу домик мистера Трутни, а к Югу — домик отца Плюша, но увидел лишь длинную, узкую, прямую дорогу, и скалы к Северу от нее, и черную тучу за ними, а к Югу — топи, и заросли, и тоже черную тучу. Однако я твердо знал, что край — тот же самый. Джон и Виртус остановились в удивлении.

— Не бойтесь, — сказал Житель Гор. — Теперь вы видите этот край таким, каков он есть. Полоска земли здесь очень узка. На Севере, прямо за горами, Холодное море, а за ним — страна, где царствует враг Хозяина. Однако из его страны идет сюда перешеек, на котором сидит дракон в твердом панцире. Когда мы дойдем до перешейка, ты, Джон, пойдешь туда, к дракону, и сразишься с ним, дабы укрепить свой дух. На Юге, за топью, лежит Горячее море, и через него тоже тянется перешеек, по которому ползает дракон, чье дыханье обращает все в гниль. С ним сразишься ты, Виртус, дабы смягчить свое сердце.

— Честное слово, — сказал Джон, — Матушка к нам немилостива. Дорога стала много уже и

опасней.

— Ты знаешь, — сказал Житель Гор, — что без опасности люди гибнут.

— Что ж, — сказал Виртус, — идем. И они пошли, и Виртус запел песню.

Глава 2. Составной человек

Пропев свою песню, Виртус посмотрел туда, где некогда стоял дом мистера Трутни.

— Все осталось прежним, — сказал Житель Гор, — но глаза ваши изменились. Теперь вы видите лишь то, что есть, а его почти не было.

— Как странно, — сказал Виртус. — Я думал, что человек он плохой, хотя вполне весомый.

— Весомость эта, — сказал Житель Гор, — принадлежала не ему, а прежним жильцам. Он казался умеренным, но это досталось ему от Эпикура. Он вроде бы любил стихи, но их оставил ему Гораций. Дух достоинства оставил Монтень, личину добродушия — Рабле. Он весь из кусочков и, если забрать чужое, будет пустота.

— Разве он не вправе учиться у других? — спросил Виртус.

— Он ничему не учился, он брал у них слова. Как Эпикур, он говорил об умеренности, но обжирался. Как Монтень, говорил о дружбе, но ни с кем не дружил. Он даже не знал толком, чему учили прежние обитатели дома. Скажем, он ссылался на «Делай, что хочешь», данные Телемской обители, не зная, что телемиты получили такую свободу на одном условии: они связаны честью, и лишь потому избавлены от законов. Тем более не знает он, что Рабле следовал великому управителю, сказавшему: «Возлюби, и делай, что хочешь», ^[20] и уж совсем неведомо ему, что управитель этот преобразил в афоризм слова своего Создателя: «На сих двух заповедях утверждаются весь закон и пророки». ^[21]

Глава 3. Лимб

И Джон взглянул на Юг и увидел на болотах маленький заросший ивами остров, где сидели старики в черных одеждах и горестно вздыхали.

— Место это, — сказал Житель Гор, — вы называли прежде землей мистера Мудра. Сейчас зовите его Лимбом.

— Кто тут живет, — спросил Джон, — и почему они страдают?

— Живут здесь немногие — те, кто сохранил истинную и глубокую жажду истины, но по гордости ли, по робости или по чему иному упорно противятся единственному, что может ее утолить. Их очень мало, ибо дети старого Мудра чаще изменяют ему — одни пересекают Ущелье, другие тайком подкармливаются у других, гораздо худших, чем он. Чтобы остаться с ним, нужна большая сила и большая слабость. Что же до страданий, таков их удел — они живут в стремлении, но без надежды.

— Почему же Хозяин мучает их?

— Отвечу тебе чужими словами, ибо страдание — тайна, которую Он разделил с вами, но не с нами. Мне говорили, что они предпочтут эту муку всему на свете. Лучше всего — иметь, но,

если не имеешь, хотеть тоже неплохо.

— Это я понимаю, — сказал Джон.

— Так я и думал. Но и это не все. Хозяин не лишал их надежды, они сами ее лишились. Он вмешался лишь тем, что пришел им на помощь. Сами по себе они ушли бы гораздо дальше, в черную яму, но Он остановил их, закрепив их муку навечно. Говорят, Его любовь и Его гнев — одно и то же. Из черной ямы этого не увидишь, но отсюда это видно, и, глядя на них, ты видишь это сам.

— Да, — сказал Джон.

Глава 4. Черная яма

— Значит, — сказал Джон, — управитель не лгал, черная яма все же есть.

— Я не знаю, что говорил твой управитель, но яма есть.

— А Хозяин, тем не менее, милостив?

— Вижу, ты побыл среди вражьих наемников. Теперь Хозяина непрерывно обвиняют в жестокости. Очень похоже на врага, ведь он так скучен. Если бы он хотел получше поддеть Хозяина, он сказал бы, что Тот — азартный игрок. Это неправда, но это ближе к истине хотя бы тем, что Хозяин всегда идет на риск.

— А как же с жестокостью?

— Сейчас, сейчас. Хозяин рискнул населить страну не рабами, а свободными, и они вольны идти, куда хотят, и есть то, что есть нельзя. До определенной черты Он может помочь им, но за ней — ты видел по себе. Можно так пристраститься к запретной пище, что самый вред станет вожделенным. Не думай о том, от какой точки нельзя вернуться, но помни, что она где-то есть.

— Неужели Хозяин ничего не может сделать?

— Он не может сделать того, что само себе противоречит. Бессмысленная фраза не обретет смысл, если мы прибавим к ней: «Хозяин может...» Разве не бессмысленно сочетание слов: «...заставить человека свободно сделать то, чего он делать не хочет?»

— Я понимаю. Но зачем же еще загонять его в черную яму?

— Тьму создал не Хозяин, она — повсюду, где волю разъял запретный плод. А что такое яма? Место, в котором есть стенки. Черная яма — это тьма, ограниченная со всех сторон. Да, в этом смысле Хозяин ее создал. Он положил пределы злу. Само остановиться оно не может, ибо предел и форма — благи. Стены ямы — последняя милость тем, кто не дает оказать себе иной милости.

Глава 5. Спесильда

Они прошли дальше и увидели белый скелет, но глаза у него сверкали, и он был обтянут кожей, и любовался собою перед гладкой, словно зеркало, скалой.

— Это Спесильда, старшая дочь врага, — сказал Житель Гор. — Когда вы ее видели на том, кружном пути, она, быть может, походила на трех Бледных Братьев.

Спесильда пела скрипучим голосом, и в песне своей ухитрялась и восхвалять себя, и выражать гнушение всякой плотью.

Джон и Житель Гор прибавили шаг, Виртус заколебался.

— Средства ее дурны, но про цель она кое-что знает, — сказал он.

— Про какую цель?

— Ну... про чистоту... собранность, что ли... четкость. В конце концов, телесные отправления и впрямь мерзки.

— Одно дело — каяться, другое — гнушаться, — сказал Житель Гор. Раскаяние — от Хозяина, брезгливость — от врага.

— И все же, гнушаясь телом, многие спаслись от худших зол.

— Иногда, силою Хозяина. Но не играй в эту игру. Самое опасное на свете — бороться с одним злом при помощи другого. Ты знаешь, что бывает со странами, которые берут на службу чужеземных наемников.

— Наверное, ты прав, — сказал Виртус, — но чувство это очень глубоко во мне. Разве никак нельзя стыдиться своей плоти?

— Сын Хозяина не стыдился.

— Это другое дело.

— Лишь в том смысле, что не только твое, а общее для всех. Неужели никто не говорил тебе, что Мать Его оправдала навсегда слово «материя»? Поверь и не сомневайся, что ваша страна, столь похожая порою на влажный, дымящийся парник, говорила устами Матери и Девы о смирении раба. Поверь, природа, со всем ее хаосом, который так ранит твою тонкую душу, и чиста, и нечиста.

— Хорошо, — сказал Виртус, — я об этом подумаю.

— И ещё одно ты должен знать, — сказал Житель Гор. — Какие бы добродетели ты ни приписывал Хозяину, гнушения телом среди них нет. Поэтому ваши шутки почти непонятны у нас.

Глава 6. Профанна

А я спал и видел во сне, как трое идут дальше по узкой полосе земли, огражденной слева горами, справа — болотом. Они о многом беседовали, но, проснувшись, я вспомнил лишь несколько фраз. Через несколько миль после Спесильды они повстречали сестру ее Профанну, и спросили Жителя Гор, излечатся ли от ее влияния Твердолобые и Снобы. Тот отвечал, что теперь это еще сомнительнее, чем прежде, ибо до недавней поры северян заставляли читать записки Языков, и потому, сказал он, «они знали хотя бы столько, сколько те, кто пришел в конце концов к Матушке».

— Почему же они теперь этого не читают? — спросил то ли Джон, то ли Виртус.

— Почему призрак мистера Трутни запер свой дом и ушел совершенствовать атараксию в

отеле? Потому что Труд отказался на него работать. Так и здесь, и во всем краю Маммона — рабы их бегут на Север, к картинкам, и господам приходится изобретать машины. Им кажется, что машины эти когда-нибудь заменят слуг, и надежда эта их так пленяет, что они отвергли все знания, кроме технических. Я говорю об арендаторах. Крупные землевладельцы потворствуют им для своих целей.

— Нет, что-то хорошее в этом есть, — сказал Виртус. — Посуди сам: нынешний мир слишком прочен и устойчив, чтобы оказаться чистым злом. Просто не верится, что Хозяин допустил бы иначе изменить всю природу и всю жизнь.

Вожатый засмеялся.

— Ты ошибаешься так же, как они, — сказал он. — Перемена эта прочна и не слишком существенна. Беда нынешних людей в том, что они верят рекламе. Конечно, если бы машины делали именно то, что о них пишут, перемена была бы очень глубокой. Но это не так. Они хотят облегчить труд — и отяжеляют его; хотят подстегнуть похоть — и плодят скопцов; развлечения утомляют их, а попытки сберечь время уничтожили в их стране добрый досуг. Нет, серьезных изменений не будет. А что до прочности — вспомни, как быстро ломаются эти машины. Темные пустоши еще зазеленеют, а из всех городов, которые я видел, быстрее всего придут в упадок железные города.

И он запел.

Глава 7. Блудильда

Когда он кончил свою песню, Джон огляделся и увидел к Югу от дороги множество странных существ. Подойдя поближе он понял, что это люди, но лежали они в таких позах и вид у них был такой, что понять это было нелегко, тем более, что одних закрывала до горла мутная вода, других скрывали камни. По-видимому, они чем-то болели; хуже того — Джон вдруг заметил, как у одного из них отделился от руки какой-то комок и стал жирной, красноватой тварью. Глаза у Джона открылись, и он уже видел яснее, что все эти лежащие тела не то размножаются делением, не то разлагаются на части. Однако они глядели на него, и во взоре их была тоска. Калеку, от которого остались глаза да рот, поила из кубка какая-то женщина, темнолицая, но красивая.

— Идем скорее, — сказал Житель Гор. — Это очень опасное место. Женщину зовут Блудильдою.

Но Джон глядел на юношу, которому она теперь понесла кубок. Он болел совсем недавно, и выглядел хорошо, разве что пальцы были мягче, чем нужно и движения несообразней. Когда Блудильда подошла к нему, он потянулся к кубку, отдернул руку, снова потянулся, отпрянул и стал смотреть в сторону.

Женщина стояла и ждала, глядя на него темными глазами и улыбаясь багровым ртом. Но пить он не стал; и она перешла к другому. Тогда он зарыдал и схватил кубок и цеплялся за него, как утопающий. Потом он опустился в топь.

— Идём! — сказал Виртус.

Женщина приблизилась к самой дороге и протянула Джону кубок; когда же он ускорил шаг, пошла рядом с ним, говоря:

— Я не обману тебя. Я и не притворяюсь, что выпив, ты увидишь свой остров. Я не обещаю

утолить надолго жажду. И все же, отпей, тебе хочется пить.

Джон не отвечал ей.

— Да, — сказала женщина, — никогда не знаешь, от какой точки уже нельзя вернуться. Ты не знаешь, погубит ли еще один глоток, или не погубит. Одно ты знаешь достоверно: тебе хочется пить.

Джон снова не ответил.

— Куда тебе сейчас бороться? — сказала она. — Ты устал и ты несчастен, и ты слишком долго меня слушал. Отпей, и я уйду. Я не обещаю вернуться, но если вернусь, не бойся — ты ведь будешь сильнее, и веселее, и сможешь побороть меня.

Но Джон не сказал ничего.

— Зачем тратить попусту время? — продолжала она.

— Ты же знаешь сам, что сдашься. Смотри, какой скучный путь, какое серое небо! Где же тут радость?

И она долго шла рядом с ним, и он едва не уступил, чтобы от нее отвязаться. Но все же не уступил; и женщина исчезла. А он ужасно устал, и некоторое время даже не помнил, зачем и куда идет.

Глава 8. Северный дракон

— Что ж, — сказал Житель Гор, — время настало.

Джон и его друг посмотрели на него.

— Мы там, — пояснил он, — откуда идут два перешейка. Покажите, на что вы годитесь. Да защитит вас Хозяин!

— Иду, — сказал Виртус и обнажил меч.

— Ступай там, где трава, — сказал Житель Гор. — Тогда не утонешь.

И Виртус направился к Югу, а Житель Гор сказал Джону:

— Ты дрался когда-нибудь?

— Нет, — ответил Джон.

— Что ж, положиись на память крови. Цель ему в брюхо.

— Я постараюсь, — сказал Джон. — А он там один?

— Конечно, один, других он съел. Знаешь пословицу: «Змий ест только змиев».

И я увидел, как Джон идет вверх — скалы поднимались прямо над дорогой. Когда он остановился стереть пот, туман кругом него был так густ, что он ничего не видел. Над ним серая мгла переходила в черный мрак. Джон слепо ступил еще выше и прислушался, и услышал странное, громкое кваканье. Дракон пел песню сам для себя; и я не приведу ее,

потому что она слишком гнусна.

Слушая ее, Джон утратил страх и ощутил сперва гадливость, потом жалость. Ему захотелось поговорить с драконом, но тело не слушалось его, и он стоял твердо, когда ощутил сквозь мглу, что к нему что-то ползет. Дракон вытягивал себя из пещеры, словно ленту. Передняя его половина повисла над Джоном, как гусеница, он оглянулся, свернулся, и Джон оказался в кольце. Подождая, пока кольцо сузится, он ударил чудовище в бок, но крови не было. Над ним маячила голова и глаза — жестокие, но без капли страсти — в упор глядели на него. Широко открытая пасть была изнутри не красной, а серой, как свинец, дыхание — холодным. И только оно коснулось лица, сердце у Джона стало твердым, больше никогда не трепетало от страсти или страха. Он засмеялся и всадил меч чудовищу в горло, и только тогда заметил, что все кончено. Мертвый дракон лежал на камне у его ног. Он вспомнил, что сам убил его, и ему показалось, что это было много лет назад.

Глава 9. Южный дракон

Когда Джон, распевая песню, прыжками спустился на дорогу, Ангел обрадовался ему и оба молча обернулись на радостный крик с Юга. Солнце уже взошло, топь отливала грязной медью, и сперва им показалось, что Виртус, прыгающий по кочкам, сверкает в солнечных лучах. Когда он приблизился, они увидели, что он схвачен пламенем и оттуда, где он ступает, валит пар. Они кинулись ему навстречу, а он громко запел, ибо добродетель его стала пламенной, как страсть.

Глава 10. Ручей

Сон мой наполнился светом и звуками. Виртус, утратив свое достоинство, распевал, как школьник; Джон тоже не отставал. По дороге они прихватили старого скрипача, и он играл им, и они плясали. И Виртус потешался вовсю над стоическими добродетелями.

Вдруг Джон остановился и чуть не заплакал. Он увидел маленький домик, пустой и обветшалый. Спутники спросили его, в чем дело, и он ответил им:

— Мы снова в Пуритании. Здесь жила моя семья. Отец и мать, я вижу, перешли ручей, а мне столько надо сказать им.

— Ничего, — сказал Ангел, — и ты перейдешь его сегодня.

— В последний раз? — спросил Виртус.

— Да, — сказал Ангел, — если все будет хорошо. День склонился к вечеру, горы сверкали почти над ними, а тени удлинялись, когда они шли к ручью.

— Больше я сильным не притворяюсь, — промолвил Виртус, — и скажу, что печалюсь и боюсь. Мне тоже надо поговорить со многими. Что бы там ни было за ручьем, что-то кончилось, мы — у черты.

Сумерки сгустились, но ручей был виден, и Джон сказал:

— Я много думал об этом у мистера Мудра, но сейчас мысли мои яснее. Хозяин знал, что делал, привязав наши сердца к одному месту, к одному человеку, больше, чем к другим.

Подошли они к ручью в полной тьме, а я почти проснулся, и слышал пенье птиц за окном и голос Ангела, похожий на птичье пенье.

Примечания

[1] Бесславие (др. евр.); см. 1 Цар 4:21.

[2] Лк 24:5.

[3] Пс 13:1.

[4] Virtus (лат.) — добродетель.

[5] Мф 28:6.

[6] Быть — значит быть в восприятии (лат.).

[7] Пер. М. Гаспарова.

[8] Мы все гонимы в Царство Подземное (пер. Семенова-Тянь-Шаньского). Здесь и далее м-р Трутни приводит, главным образом, строки из Горация.

[9] Небо, не душу меняем.

[10] А я (был) в Аркадии.

[11] Все одинаково всюду.

[12] Начало фразы «Выбрав золотой середины меру» (пер. З. Морозкиной).

[13] Что я знаю? (фр.).

[14] Он накрывал стол неподходящей пищей.

[15] Завтра опять в беспредельное море... (пер. Г. Церетели).

[16] Спенсер, Спиноза, Ницше, Штейнер, Кант, Швейцер.

[17] Первые стихи 60-го псалма.

[18] Прыгай смело (лат.).

[19] Так начинается стих у Данте «Nella sua voluntade e nostra pace»: «В волении Его — покой для нас» (Рай...).

[20] Речь идет о святом (в правосл. традиции — блаженном) Августине.

[21] Мф 22:40.